

Елена Долгова

Мастер Миража

Вторая книга цикла «Геония»

Елена Долгова

**Мастер Миража. Вторая
книга цикла «Геония»**

«Издательские решения»

Долгова Е.

Мастер Миража. Вторая книга цикла «Геония» / Е. Долгова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904730-4

Геония — мир, столетия назад заселенный колонистами с Земли, а теперь разделенный конфликтом. Подростков, получивших паранормальные способности из-за врожденной мутации, вынуждают избавиться от опасного дара. Герой романа не согласен с таким положением вещей и находит себе союзника — загадочного всемогущего виртуала под псевдонимом Цертус.

ISBN 978-5-44-904730-4

© Долгова Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Замыслы под запретом	6
Глава 1. Начало от Марка	6
Глава 2. Инспектор Цилиан	13
Глава 3. Авителла	22
Глава 4. Поиски смысла	30
Глава 5. По ту сторону	38
Глава 6. Воробьиный король	46
Интерлюдия. Удел Короля	58
Часть вторая. Хроника вмешательства	61
Глава 7. Король рискует	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мастер Миража

Вторая книга цикла «Геония»

Елена Долгова

Иллюстратор Den Xenon

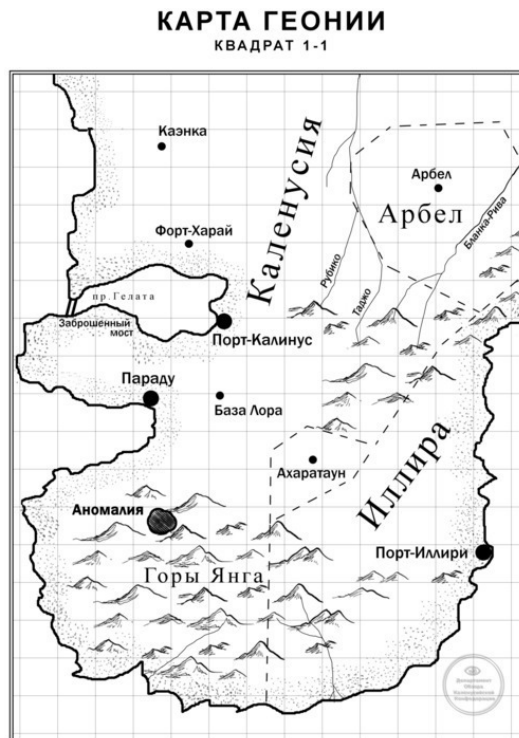
Иллюстрация на обложке Александр Попов

© Елена Долгова, 2018

© Den Xenon, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-4730-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Замыслы под запретом

Глава 1. Начало от Марка

7010 год, начало лета, Конфедерация, Порт-Калинус

В пустом переулке было тихо. Косая тень, которую отбрасывал мусорный контейнер, выползла на отшлифованный миллионами ног, усеянный кусками пластика асфальт. В этой тени, спиной к стене, сидел на корточках беглец.

Из своего укрытия он хорошо видел залитую мертвым неоновым светом площадь, сомкнувшиеся вокруг нее стены домов и клочок иссохшего до каменной твердости газона.

Стояла безветренная ночь, одна из тех, что приходят на смену самым знойным дням в разгаре лета. Свет в окнах давно погас, где-то поблизости таякала бездомная собака. Этот лай повторялся снова и снова, ритмично и однообразно, как будто работала электронная игрушка, но не мог заглушить ни приглушенного шума двигателя, ни шороха колес по асфальту.

Периметр площади неторопливо объезжал низкий, хищного силуэта фургон. Ночь и тонированное стекло не позволяли рассмотреть лицо водителя. Человек в укрытии плотнее прижался к стене, пытаясь слиться с теплым, безопасным камнем.

Машина притормозила в десяти метрах, дверца сухо щелкнула. Один из преследователей вылез и двинулся вперед с неосознанной грацией хищника. Сходство усиливал тяжелый шлем пси-защиты, форма напоминала плоский череп ягуара. Беглец скорчился, подтянул колени к подбородку и переместился немного влево, прячась за ребристой коробкой мусорного бака. Под подошвами охотника захрустело битое стекло.

– Здесь темно, Митни, какая-то сволочь переколотила фонари.

Преследователь прошел несколько шагов и замер, вслушался в едва различимые подозрительные звуки. Круг света от карманного фонарика шарил по стенам. Что-то мягкое и большое шевельнулось в груде мусора, со стуком упал грязный кусок фанеры. Растрепанное существо, помесь болонки и терьера, опрометью метнулось в сторону, унося в темноту свою спутанную шерсть и свой почтительный страх. Выстрел карманного излучателя опалил асфальт у самых собачьих лапок.

Охотник с досадой пнул металлическую решетку водостока, металл глухо загудел, человек энергично выругался и опустил оружие.

– Из-за ночных дежурств у меня совсем никудышные нервы. Здесь чисто, только тощие псы и жирные крысы. Поехали, проверим проспект Процветания.

Ритмично заработал мотор, машина удалилась, заложив вираж. Беглец, выждал еще немного – не возвратиться ли машина.

– Пора.

Он выбежал из укрытия под едкий свет неоновых фонарей, опустился на колени, обдирая пальцы, приподнял решетку водостока и ловко спрыгнул вниз с полутораметровой высоты. Потом, поднявшись на цыпочки, ухватил решетчатую крышку и поставил ее на место, в пазы. После жаркой сухой городской ночи темный туннель веял сыростью и прохладой. Влажная грязь чавкала под ногами. Беглец прошел несколько шагов, на ощупь отыскал лаз в просторную нишу и перекинул в нее ловкое тело.

– Эй, Лин! Это Марк, я вернулся.

Фонарик освещал мрачные лица. Пришелец, назвавшийся Марком, крепкий широкоплечий парень, провел рукой по коротко стриженной светлой макушке, стирая паутину, потом бросил в угол пустую сумку и устроился на груде расплюснутых картонных коробок. Заспан-

ный Лин Брукс поднял голову, в длинных темных спутанных волосах его застряли мелкие опилки.

– Все прошло как надо?

– Я не смог принести продукты.

– Мать тебя прогнала?

– Дом закрыт, похоже, все они уехали на южное побережье. Наверняка, стоило мне бежать от реабилитаторов, как стариков принялась трясти полиция. Мамочка в бешенстве, а отец поставил крест на таком придурке.

Марк замолчал и принялся отчищать грязь с рукава дорогой черной куртки. Лин присел рядом на корточки, обхватил колени руками. Старый след операции – тонкая светлая нить на коже полукольцом обхватывала шею. Они познакомились три дня назад. Сейчас придавленный неудачей Марк от нечего делать рассматривал худое прозрачное лицо случайного приятеля.

– Есть нечего, – грустно заметил Лин. – Патруль уехал, пошли наверх, лучше вернемся ко мне домой.

– Ты свихнулся – без конфедеральных жетонов?

– Сестра не выдаст и не скажет никому.

– Рано или поздно туда придут из Департамента – твоей сестре дадут срок за укрывательство.

– Мы не задержимся, только возьмем продукты и немного вещей. Хочешь рвануть на северо-восток?

– В Арбел, к этим предателям...

Лин опустил длинные ресницы и тихо вздохнул. Под глазами резче проступили тени.

– Они там принимают псиоников – всех. У арбелианцев вообще нет конфедеральных жетонов, нет реабилитации. Тебе проще, Марк, даже если тебя возьмет патруль, ты все равно выдержишь. Говорят, это очень противно – когда стерилизуют мозги, но потом ты получишь этот самый жетон и даже сможешь попасть в университет или найти работу. А я – я просто помру... Я болен.

Марк опустил глаза. Его злило сочетание в Лине логичности и вялой покорности судьбе.

– Ты не мог сказать об этом реабилитационной комиссии?

– Я сказал. Они все знают.

– Я не верю, что тебя могут убить. Реабилитаторы – та еще мразь, но не до такой степени, чтобы вводить антидот больному.

– Конечно. Меня запрут в накопителе «до выздоровления». Только мне не выздороветь никогда – такой уж я урод.

Неподалеку прошмыгнула растрепанная крыса. Грязная шубка зверька намокла. Марк метнул в грызуна комок земли, но глина рассыпалась, не ударив. Крыса обиженно пискнула, спряталась, и Марк замолчал, прокручивая в памяти боль и растерянность последних дней.

Четыре дня назад Марк Беренгар вошел в роскошную дверь Службы гражданской реабилитации. Скамьи вдоль длинного коридора по большей части пустовали. У самого входа устроилась толстощекая голоногая девушка с ярко обведенными глазами. Ее широкий ротик глуповато приоткрылся, аура сенса буйно полыхала – Беренгар на глаз определил индекс от семидесяти до восьмидесяти.

– Привет!

Девушка промолчала, ее расширенные зрачки уставились в белую стену.

Поодаль, в самом углу, тихо возились малолетки – тринадцатилетние сенсы, скорее всего, заявили на первичную регистрацию.

У самой двери инспектора Реабилитации в напряженной позе ожидания застыли двое. Парень, ровесник Марка, сероглазый узкоплечий, с длинными девичьими ресницами,

и девушка годом старше – с такими же светлыми глазами, с толстой туго заплетенной льняной косой, в открытом на плечах цветном летнем комбинезоне.

Парень выглядел сенсом средней руки, девушка наверняка была норма-ментальной. «Привела неженку-приятеля», – скептически решил про себя Марк. Странная пара вскоре скрылась за дверью, а Беренгар устроился на скамье и закрыл глаза.

Дрожание ментального эфира само собой сложилось в привычный ритм – на него накладывался стук дверей, шуршание шагов по плитам пола, отдаленные сигналы машин, почти беззвучный шелест кибера за дверью. К звукам примешивались отблески эмоций прохожих, простые, круглые, как шарики, мысли толстоногой девчонки, озорные искры от близнецов, тонкое сияние ауры сероглазого парня. Эффект получался на стыке звука, цвета и ритма, Марк называл это Песней. В такие моменты мир казался пушинкой, которую можно сдвинуть усилием мысли, хотя Беренгар знал, что впечатление это обманчиво, Песня была красива, но всегда оставалась бесполезной.

Ритм смешался, Песня пропала, Марк прислушался – за дверью кабинета мертво помалкивали. Аура чиновника Реабилитации не чувствовалась совсем. «Наверняка прикрылся шлемом пси-защиты». Беренгар заскучал, соображая, как скоротать затянувшееся ожидание, но как раз в этот момент расслабленного скучного спокойствия *сверкнуло*.

Высверк получился ярким, насыщенным, но холодным, источник его явно находился за дверью. Беренгар вскочил, дверь кабинета широко распахнулась, открывая невероятную картину. Чиновник в серой тунике Департамента почти уткнулся носом в стол. Волосы на его затылке растрепались, правда, мертвым реабилитатор не выглядел, и неудивительно – его бурно рвало прямо на документы регистрационной картотеки.

Девушка с льняной косой выпрямилась, ее поза говорила о несогласии, а выражение лица – скорее об острой и неожиданной обиде, щеки ярко горели. Парень с длинными ресницами, которого Марк уже мысленно прозвал «умником», растерянно топтался возле нее, и, тем не менее, Марк ничуть не сомневался, что инициатором беспорядка оказался именно этот заморыш. Аура парня пылала огнем.

Беренгар мгновенно преодолел расстояние от скамьи до порога кабинета.

– Эй, ребята, у вас проблемы?

Чиновник опять согнулся в очередном приступе рвоты, но тут же выпрямился. Марк ясно видел, как этот затянутый в серое человек незаметно нажал тревожную кнопку. Мальчишка-сенс даже не повернулся в ту сторону, с наивным бесстрашием игнорируя противника. Беренгар моментально оценил ситуацию.

– Пошли отсюда, уходим.

Он почти подтащил безвольного паренька к выходу, девушка быстро шла рядом, щеки ее до сих пор пламенели от злости.

– Что случилось? Ты чокнутый?

– Нет, просто эта серая крыса нажала клавишу тревоги. Сейчас прибежит охрана.

Умник, заваривший кашу, похоже, совершенно скис, он покорно последовал за Марком, не пытаясь освободить свое зажатое в кулаке спасителя запястье. Троица поспешно пробежала по коридору и вывалилась на улицу. Наперерез беглецам, через двор, помахивая шокерами, уже спешили двое людей в форме «пси-безопасности». Их головы надежно прикрывали шлемы ментальной защиты.

– Сейчас нас повяжут.

Бежать было некуда. Песня, которая было приумолкла, выдала новый фрагмент цвето-звуковых эффектов, на этот раз с оттенком явного озорства. Беренгар подтянул поближе к себе воображаемый щит и остановился, поджидая охранников, Умник пристроился за его спиной, девушка почему-то встала рядом. Марк не успел отстранить ее, подбежавший блюститель ткнул его в диафрагму, шокер на длинной ручке столкнулся с невидимым щитом и полыхнул

ярким фейерверком искр. Марк понимал, что защита и искры существуют только в его воображении, на самом деле тычок электрической дубинки пришелся прямо в диафрагму, но ослабленный удар вызвал лишь мгновенную и вполне терпимую боль. Беренгар отскочил в сторону и толкнул нападавшего ногой. Удар удачно пришелся в солнечное сплетение.

Очевидно, секурист ждал изощренной, но бессильной ментальной атаки, а никак не обычных побоев. Он охнул, опрокинулся и приложился затылком о фигурную плитку двора. Его более удачливый, но менее сообразительный товарищ успел достать Беренгара еще одним тычком шокера, на этот раз Марка мучительно обожгло, но желаемый противником эффект все равно не наступил – боль прошла почти мгновенно.

Беренгар пнул обидчика точно в колено, ухватил девушку за руку и устремился к машине.

Остальное оказалось делом нескольких минут. Заработал мотор, машина вырулила на проспект и вскоре оставила противников далеко позади.

– Куда теперь? – спросил у случайных сообщников растерянный Марк.

– Домой.

– Поймают. В Реабилитации остался ваш адрес.

– Инспектор заблевал все свои чипы с копией картотеки – там наверняка до завтра не отмоют.

– Заблеванное пойдет в мусор, а про вас запросят Систему – мы там все как на ладони.

Умник застенчиво улыбнулся.

– Я обставил дело так, чтобы он забыл свой пароль входа. Навсегда забыл.

Пораженный такой предусмотрительностью Марк недоверчиво пожал плечами.

– Кабинет отмоют от дряни, защиту Системы снимет другой реабилитатор, ваш инспектор отряхнется, утрет сопли и станет героем, его еще и наградят, а вас, ребята, то есть, я хочу сказать, нас всех, заметет Департамент Обзора или жандармская служба пси-защиты.

– Пусть попробуют, мы им покажем. Поехали домой.

Марк промолчал в досаде. Азарт стычки уже прошел, на душе сделалось тоскливо. Не то чтобы случившееся выглядело полной катастрофой (порой драки с реабилитаторами случались), но никто никогда не трогал чиновников Службы прямо в их офисе. «Я никого не прикончил. Я даже не пользовался пси-наводкой», – попытался успокоить себя Беренгар, в душе понимая, что расплата все равно неизбежна.

– Как тебя зовут?

– Лин Брукс.

– А меня Марк Беренгар. За что ты приложил инспектора?

– Он сказал Авителле кое-что грязное, такое никому не понравится. Она моя родная сестра, ты не смотри, что мы не очень похожи.

– Ну ты, парень, и дурак, ударить по инспектору из-за каких-то там слов.

– Если ты такой умный, то зачем вмешался?

– Когда я вмешивался, то еще не знал, с кем связываюсь на свою беду.

Лин виновато покачал темноволосой головой.

– Мне очень жаль, что так вышло. Но во дворе ты все-таки мог не трогать охрану. Ты вообще какой-то слишком ловкий – я еще никогда не видел, чтобы так дрались.

– Ничего особенного – я просто отследил их нервные реакции. Реабилитаторы так разозлились, что не помогла и пси-защита – все полезло наружу. Если знаешь, что будет делать противник, то его совсем не трудно завалить.

– А я так не умею.

– Я тоже раньше не умел.

Они усмехнулись, пряча тревогу под напускной беззаботностью. Авителла устроилась на заднем сиденье и угрюмо молчала.

– Прибыли.

Трое вышли из машины, старый спаниель таял во дворе, в квартире на первом этаже было прохладно, чисто и пустовато.

– Мы уже год живем без родителей, они остались на в провинции, а мы уехали в Порт-Калинус. Тут у псионика больше шансов продвинуться.

Лин опустил на стул. Беренгар отметил про себя его слабость., Брукс дышал с трудом, длинные спутанные волосы упали на лоб, кожа на лице выглядела слишком белой и истончившейся. Авителла без церемоний подняла брата со стула и заставила его лечь на кушетку. Лин тут же зажмурился – то ли спал, то ли просто устал от разговора, Марку очень не понравился неестественно расслабленный вид паренька.

Авителла молча поманила Беренгара и тут же вышла в соседнюю комнату. Марк вошел следом и остановился, удивленный странным зрелищем – на полках, на подоконнике, на низком широком столе рядами стояли статуэтки. Изображения слепили из скульптурной смеси, преобладали фигурки и лица людей. Беренгар взял в руки первую попавшуюся – низкий, скошенный лоб человека плавно переходил в покаты свод звериного черепа. Марк повернул фигурку в фас, сходство с ягуаром исчезло – перед ним снова оказался человек в шлеме пси-защиты, усталый, с замкнутым, настороженным лицом.

– Кто это сделал?

– Мой брат. Смотри, вот еще.

Гладкая, стремительная фигурка – морская птица с распростертыми крыльями, перья заломлены ветром, узкое, стремительное тело набирает высоту.

– А теперь посмотри сбоку.

Повернутая фигурка птицы превратилась в силуэт девочки, та запрокинула голову, что-то рассматривая в небе. Изображение вызывало смутную, неуловимую тревогу. Марк твердо поставил статуэтку на место.

– Занятно. Но мне больше нравится вот эта, большая, она из настоящей глины.

Крылатая фигура – взрослая девушка с правильным, смелым лицом стояла, чуть запрокинув голову к небу. Широко распахнутые глаза смотрели мимо и вверх. Беренгар подошел поближе, но ничего не изменилось – он не мог поймать взгляд глиняного ангела. Полного сходства не получилось, но смелый очерк скул напоминал Авителлу. Марк понял замысел – лицо статуи светилось отвагой, но глаза оставались скорбными и испуганными.

– Красиво. А все же пошли отсюда, пора подумать, что будем делать с реабилитаторами.

– Это они будут что-то делать с нами.

В соседней комнате Лин уже пришел в себя. Он сидел на кушетке и, растерянно крутил головой.

– Очухался, брат-псионик?

– Да.

– Тогда уходим отсюда. У тебя хорошая сестренка, не будем ее подставлять.

– Поздно ты хватился. Мы уже подставили Авиту – и я, когда вмазал по мозгам инспектору, и ты, когда пнул охранника.

– Она тут ни при чем, она же пси-нормальная. Никто не скажет, что девчонка избивала охрану. Зато ее могут забрать за укрывательство псиоников. Нас то есть! Пошли отсюда.

Они выбрались из дома через заднюю дверь, пробежали насквозь унылый дворик и углубились в переулки восточной части Порт-Калинуса. Пару раз Марку казалось, будто он слышит сирену патруля. Страх накатывал, но тут же отступал – гудело далеко и как-то по-игрушечному. Лин идеально держал пси-барьер, Беренгар не почувствовал его настраивание, испуг Лина выдавали самые обычные, безо всякой сенсорики, признаки – растерянный взгляд, опущенные плечи.

– Если мы устроимся спать в сквере, нас еще до полуночи заметет патруль. Может, лучше сдаться самим, да и дело с концом?

– Это всегда успеется. Я где-то читал, что ивейдеры прячутся в под землей, в трубах возле люков. Можно попробовать. Помоги поднять решетку.

– Тут очень темно.

– У меня фонарик наготове.

Они открыли ближний люк и попрыгали в темноту. Под ногами захлопала вода. Пахло гнилью. Марк впервые уже понял, что глупость, но еще не мог примириться с последствиями...

С тех пор прошло четыре дня и он испытал все стадии отчаяния. Говорить было не о чем, идти больше некуда. Лин сидел рядом, теперь он старался не прислоняться к влажной стене – по ней, наподобие слез, стекали крупные капли воды.

– Давай, сдадимся, нам ничего, не сделают, это была ошибка.

– Сделают, потому что ты использовал пси-наводку.

– Тогда уходи один. Ты-то ее не использовал.

– А ты куда пойдешь?

– Не знаю. Может, найду других ивейдеров. Говорят, в Порт-Калинусе живет их «воробыиный король».

– Что за тип?

– Вожак сенсов Каленусии. Псионик, который помогает таким, как мы – тем, кто не хочет принимать антидот.

– Куда он деваает такую прорву народа?

– Не знаю. Наверное, помогает им сбежать в Арбел.

Марк поежился. Влажная тьма за пределами светлого круга хлопала каплями.

– Воробыиный Король – сказка. Такая же, как истории об адском полковнике, который появляется при полной луне. Я вообще не уверен, что не хочу принимать антидот. До позавчерашнего дня я думал, что очень даже не против.

Лин молча отвернулся.

Беренгар уже почти пожалел о собственной жесткости – он понял, что мимоходом разрушил надежду Лина, не предложив ничего взамен.

– Тихо, ты слышишь? Гаси фонарь.

Плотная страшноватая тьма придвинулась. Марк на ощупь нашел плечо приятеля, пригнул его поближе шепнул ему на ухо, едва шевеля губами:

«Сюда идут. Трое. Без света. Я чувствую их ауру. Они кого-то ищут, наверное, нас». Острое плечо Лина окаменело под ладонью Беренгара. Марк резко встряхнул друга. «Не пытайся бежать. У них ментальный детектор. Поставь блок и держи как следует. Я тоже поставлю». «Тогда мы не сможем чувствовать их в темноте», – почти беззвучно отозвался Лин. «Зато и они нас, может быть, не увидят».

Марк забыл о собственном намерении сдаться – инстинкт преследуемой дичи толкал его к сопротивлению. Жидкая грязь хлопала под чужими ногами. «Ты уверен, что их трое?». Беренгар промолчал в ответ. Шаги раздавались все отчетливее, в их ритм вплеталась посторонняя неопределенная возня, непонятная для Марка. Паника подступила вплотную.

«Бежим», – шепнул Лин.

Они поднялись, покинули нишу и, стараясь не шуметь, двинулись вдоль стены пустого коллектора. Ладони скользили по шероховатому бетону, низкий свод почти задевал макушки. Беренгар слышал, как тяжело дышит Лин. Ментальный блок мешал Марку проверить, держит ли точно такой же блок его приятель.

– Нас поймают, – пробормотал Брукс. – Нас поймают и убьют. «Стой, дурак!» – хотел прикрикнуть на него Беренгар, но вовремя прикусил язык. Лин тем временем бешено, молча рванулся, бросился дальше в темноту. Неровное эхо шагов заматалось в пространстве коллектора.

– Взять их! – рявкнул, уже не скрываясь, низкий, с легкой хрипотцой, голос. – Вперед, Биси!

Прямо о колени Марка ударился жесткий, словно сплетенный из мускулов комок, острые зубы вонзились в мякоть бедра. Беренгар жестко ударил собаку кованым каблуком ботинка, рычание сменилось тонким, жалобным, почти человеческим плачем. Вспыхнул яркий свет чужого фонаря, Биси забился в угол и замер там неподвижным комком.

«Это была ищейка, а не боевой пес».

Марк повернулся и что было сил понесся вслед за Лином. Он пробежал пятьдесят шагов до поворота и в тот же момент столкнулся с растерянным Бруксом. У Лина начиналась истерика.

– Здесь тупик. Они нас поймали.

– Да не трясись так, мы же не преступники.

Беренгар обернулся, собираясь как следует рассмотреть преследователей. В глаза безжалостно бил сноп света, он хорошо скрывал лицо того, кто держал фонарь.

– Мы сдаемся! – крикнул Марк в темноту.

– Встать к стене.

Беренгар повернулся лицом к мокрому бетону, положил раскрытые ладони на шероховатую поверхность. Чужие шаги приблизились, чужие руки грубо обыскали одежду, обшарили карманы.

– При них ничего... Повернись!

Марк обернулся, лица реабилитаторов в белесом свете фонаря казались смазанными картинками – ни единой запоминающейся черты.

– Имя?

– Марк Беренгар.

– Кто второй?

– Я Лин Брукс, – едва слышно прошептал псионик.

Лицо старшего оперативника дрогнуло и приобрело хоть и неприятное, но зато вполне человеческое выражение – теперь на нем явно читались разочарование и презрение.

– Какие они, к холере, ивейдеры. Обычные запуганные говнюки. Плохо, что Ушибли мою собаку. Если Биси околеет, тебе... да-да, тебе персонально, белобрысый, не поздоровится. Я могу и в накопительном лагере отыскать дурака, чтобы повыдергать ему ноги.

Они вместе прошли пятьдесят шагов по пустому, грязному коллектору.

– Вылезай.

Решетка оказалась сдвинутой. Марк ухватился за ржавые скобы и подтянулся, выбираясь на свет. Еще трое вооруженных реабилитаторов в тяжелых шлемах защиты лениво топтались возле глухого, без окон прицепного фургона. Они с явным отвращением рассматривали чумазую добычу.

– И ради этого баракла мы лазили вниз?

Беренгар сжал кулаки, казалось, его ярость бойца—псионика только забавляют неуязвимую охрану.

– От них воняет, как от крыс.

– Ладно, ничего не поделаешь... Марш в машину, свободные граждане Брукс и Беренгар! Поздравляю – вчера вечером квартальный судья заочно приговорил вас обоих к штрафу. По сто конфедеральных гиней с каждого, а ждать реабилитации придется не у мамы под крылом, а в накопительном лагере. Шевелись! И радуйтесь, что не утонули в дерьме. Не вижу на рожах улыбок.

Марк перестал слушать издевательские поучения, он обреченно шагнул в пропахшую металлом и потом утробу арестантской машины. Дверца с лязгом захлопнулась, заработал мотор, машина развернулась и поехала прочь, увозя свой улов навстречу неизвестности.

Глава 2. Инспектор Цилиан

7010 год, лето, Конфедерация, Порт-Калинус

Кортеж стрелой мчался по проспекту Процветания: строй мотоциклистов, за ними серебристый кар президента Конфедерации и приземистая машина охраны. Юлиус Вэнс, законно избранный глава Каленусии, устроился на заднем сиденье, за спиной водителя. Бывший шеф Департамента Обзора, сменив серый мундир на костюм государственного чиновника, в душе остался тем, кем был, – наблюдателем Фантомом. Сейчас на его спокойном суховатом лице не отражалось ничего – Вэнс равнодушно скользил взглядом по зелени и тротуарам, по белой плитке стен и по пестрым силуэтам прохожих.

Кортеж тем временем свернул на кольцевую дорогу и углубился в заросшее кудрявой зеленью фешенебельное предместье Порт-Калинуса. Пешеходные дорожки здесь почти пустовали. Водитель на полминуты притормозил у ажурных ворот частной виллы Вэнса. Решетка отъехала в сторону, пропуская серебристую машину, охранник в сером мундире пси-наблюдения отсалютовал президенту Конфедерации. Дверца бесшумно распахнулась, и Фантом медленно побрел к дому, вдыхая острый запах ярко-желтых цветов.

В каминной комнате стояла тишина. Пустое угольное ведро блестело начищенным боком. Фантом опустился в кресло и замер, отдыхая от дневной и предвечерней суеты. Беспокойные мысли отступили, отодвинутые в самый отдаленный уголок сознания.

Когда в дальнем углу что-то пошевелилось, Вэнс поднял отяжелевшую голову, по привычке тронул внутренний карман костюма с пистолетом, но тут же улыбнулся. Обманчиво-неуклюжая тушка стальной свиньи переступала по паркету короткими лапками, пытаясь незаметно подобраться к хозяину.

– Ты напугал меня, Макс.

Кибер подошел вплотную и ласково ткнулся в ботинки президента.

– Твоя женщина и твой сын меня не любят. Я рад, что сегодня они уехали.

Синтетический голос машины ловко изобразил поддельную обиду.

Юлиус сухо рассмеялся.

– Ты слишком часто их дразнишь.

– В меру – это их же и развлекает.

Маленький Макс, единственный экземпляр несомненно разумного искусственного псионика, был создан Роланом, бывшим Аналитиком Обзора. Вскоре после этого Ролан погиб в мятеже, поэтому Макс остался неповторим. Когда для людей-псиоников ввели обязательную пси-реабилитацию, Макс избавился от конкурентов в их лице. Вэнс не стал переписывать уникальный разум в новую, лучшую оболочку – он боялся тронуть трепетное чудо.

– Ты ждал меня?

– Ждал и рад. Ты выглядишь усталым, Юлиус.

– Я и в самом деле устал – рано или поздно переступаешь незаметный порог, после которого это состояние становится привычным.

– Ты слишком много стараешься, полегче, мой президент. Что ты обычно делаешь, когда подступают сомнения?

– Иногда спрашиваю тебя, Максик.

– А потом все равно поступаешь по-своему. Зачем ты заварил эту кашу с реабилитацией псиоников?

Вэнс на минуту опешил от наглости кибера. Поросяенок тем временем опустился брюхом на ковер, беззащитно распластал по его персиковому ворсу короткие лапки.

– Это же ты все выдумал, Макс. Ты рассчитал пси-антидот, просто твоя свинская грудь слишком мало подходит для ордена.

– Ну да, но любую идею можно довести до абсурда.

– А ты на что надеялся? На то, что каждый псионик добровольно захочет превратиться в норма-ментального?

Вэнс подошел к шкафчику бара, откупорил бутылку, плеснул янтарной жидкости на дно бледно оттененного голубизной, тонкого, как пленка, бокала.

Напиток слабо опалесцировал.

– Ты противоречишь себе, маленький Макс. Вспомни, как пять лет назад сумасшедшая толпа лезла к стенам Калинус-Холла, тогда люди под пси-наводкой топтали друг друга и жгли все, что могло гореть. Пять лет назад ты не был столь сентиментален.

– Ситуация изменилась.

– Ну да, конечно. Теперь у нас мирные времена. Семнадцать лет – предел для псионика. Антидот, реабилитация – и мы получаем нормального гражданина, без ментального дефекта.

– Ты хочешь сказать – обывателя без таланта?

– Талант может быть равен дефекту, все дело в точке зрения.

Кибер мелко завибрировал боками, изображая смех.

Вэнс попытался рассердиться, но не смог, может, потому, что напиток успел подействовать.

– Ты, жестяная свинья, ни грана не понимаешь в милосердии. Что лучше – лишить человека способностей или позволить ему медленно умирать и при этом вредить другим? Тебе кажется, что я зол, но я не зол, Маленький Максик, это всего лишь разумный выход, это справедливость... почти справедливость.

кибер помолчал, гротескная морда свиньи не выражала никаких эмоций.

– Ладно, Юлиус, ты же знаешь, что я всегда готов согласиться с тобой. Это ты подарил не жизнь... почти жизнь.

Бывшему Фантому очень не понравился ответ.

– Не надо, не говори так – ты же знаешь, как я тебя ценю.

Макс смущенно фыркнул.

– Ладно, Большой Вэнс, я тронут. Будешь отдыхать или послушаешь кое-что новенькое? Мой модуль прогноза потрудился на славу. Ты в курсе насчет ивейдеров?

– Организация псиоников, уклоняющихся от реабилитации.

– Порт-Калинус оплетен Системой, в ключевых точках давно стоят хорошие детекторы. Тебе никогда не приходило в голову, как эти ивейдеры умудряются прятаться в массе законопослушных каленусийцев?

– Хороший сенс может прикрыть свой разум блоком.

– Блок не поможет выжить и прятаться без документов.

– Кто-то снабжает их фальшивками.

– Вот именно, кто-то и зачем-то. Ты слышал о Воробьином Короле, Вэнс?

– Слышал разные сплетни.

– Нет дыма без пожара, где-то в Конфедерации свил себе гнездышко этот самый Король и фигура вполне себе реальная. Разумеется, сам он тоже псионик.

Вэнс положил на усталые виски подушечки длинных пальцев. Тишина в каминной комнате сгустилась.

– Я давно изучил людей и не верю в бескорыстие. Чем выше риск, тем весомее должен быть мотив. Чего может хотеть этот человек?

– Не знаю. Как тебе перспектива появления второго Ролана?

При упоминании имени убитого пять лет назад мятежного Аналитика Вэнса передернуло.

– И какие приказы нужно отдать? «Ищите призрак Ролана»? «Ищите Воробьиного Короля?» Граждане решат, что я выжил из ума.

– Приказа «ищите сенса с поддельными документами о реабилитации» будет вполне достаточно. Пообщайся-ка с Егерем, с теперешним шефом Департамента. Он тебе наполовину друг – сойдет, если нет друзей настоящих.

– Полудруг?

– Сделай целое из половинки. И действуй немедленно, у нас цейтнот.

Высокое и широкое окно в белой ажурной раме еще пропускало достаточно света. Президент отставил недопитый бокал, взял с матовой крышки антикварного бара миниатюрный уникон, точно ставя длинные пальцы, набрал частный номер дома в пригороде Порт-Калинуса. Голос Егеря показался ему растерянным.

– ...Что? Я приеду. На загородную виллу?

– Да.

Юлиус Вэнс поторопился закончить разговор, потом переключился на номер охраны и отдал приказ пропустить машину шефа Департамента Обзора.

Кибер одобрительно хрюкнул.

– Егерь крайне заинтригован и приедет очень скоро. Поговори с ним по душам. А я исчезаю – свиньям не место там, где пируют избранные персоны.

Макс, однако, никуда не ушел, а, поддев металлическим рылом край скатерти, трусцой отправился под стол и спрятался там. Его хозяин откинулся на спинку дивана и погрузился в тревожное ожидание.

...Егерь явился через полчаса – высокая, плотная фигура возникла на пороге каминной комнаты.

– Заходите, генерал, устраивайтесь, где понравится.

– Я могу узнать, что случилось, мастер президент?

– Для вас, мой друг, я по-прежнему Фантом, а случился у меня разговор с Аналитиком.

– С этим стальным поросенком?

Край скатерти чуть колыхнулся. Вэнс кивнул, сохраняя на лице мину полной невозмутимости.

– С ним, дружище, с ним. Вы хорошо помните Макса?

– Кто это видел хоть раз, тот не забудет никогда. Пять лет назад, во время мятежа, эта машинка спасла жизни вам, мне и Кравичу.

– А инспектора Фила Кравича вы хорошо помните?

– Да. Он был из тех немногих псиоников, к которым я и сейчас смог бы повернуться спиной.

– Слышали, что с ним случилось?

– Пропал без вести в мятеже. Убит?

– Хуже.

Фантом отставил в сторону стакан с несколькими каплями на дне. Егерь немного отпил из своего, почти полного.

– Так вот, Фил Кравич не был убит мятежниками. Взгляните на эту вещь, смотрите внимательно.

– Личный жетон Фила?

– Да, именно так. Кравич попал в руки жандармерии еще в 7006 году, во времена арестов сенсов в Порт-Калинусе. Служебный статус сенсов тогда аннулировали по приказанию Барта. Царил хаос – и в умах, и в делах, и в командовании. Скорее всего, нашего Фила взяли в облаве и ликвидировали до того, как он успел попросить меня о помощи. Вы понимаете, что это значит?

– Да.

– Едва ли полностью. Моего человека, которому я обязан личным спасением, расстреляли и наскоро закопали в безымянной могиле.

– Это интриги штатских.

– Бросьте. Это просто страх. В те дни боялись даже тени псионика. Нам некого винить и не на кого перекладывать свой стыд – к точке краха мы пришли совместно. Я нашел семью Фила и помог им, это все, что я сумел сделать для него.

Егерь слегка отвернулся, его смутил прямой взгляд Фантома-Вэнса.

– Вы нашли виновных?

– Нет. Бессмысленные поиски, пустая трата времени – их, этих виновных, нет. Я знаю, всеобщую реабилитацию псиоников жестко критикуют. Ортодоксы – потому что не верят в ее надежность, сами псионики – потому что не хотят расставаться с паранормальными способностями. Ученые видят в этом сомнительный массовый эксперимент, проводимый с одобрения властей, правозащитники – насилие над личностью... Генерал!

– Что?

– Вы мне верите? – спросил президент Каленусии.

Егерь помедлил. Последний свет уходящего дня отражался в тонком стекле бокала и в радужках глаз Фантома. Во взгляде старого друга можно было прочесть что угодно – желание убедить, желание скрыть подробности, искреннюю заинтересованность, тревогу, не было там только прямой лжи.

– Да... Да, я вам верю.

– Тогда вы наверняка понимаете, что мною движет – стремление объединить людей Конфедерации. Пусть даже для этого придется усмирить природу сенсов.

– Сенсы в восторге. Они способны на организованное сопротивление.

– Возможно. Вы слышали детскую сказку о Воробьином Короле?

– Что-то такое мне рассказывала племянница. Это история о стае, которая могла стать разумной, если число птичек в ней перевалит за невероятно большое число. Тогда это... это скопище, назовем его так, становилось личностью Воробьиного Короля. В оригинале история достаточно унылая – пух и перья, птичьи трупы, которые катаются в волнах прибоя, и тому подобные детали, рассчитанные на эмоции. В общем, чушь.

– Конечно. Но подпольем ивейдеров Порт-Калинуса руководит человек, который носит именно этот псевдоним.

– Нам бросают преднамеренный вызов?

– Не думаю. Скорее псевдоним – это самоназвание, данное в их среде. Но оно неплохо говорит о том, как эти люди воспринимают самих себя.

Егерь нахмурился.

– Мой президент, я не хотел бы повторения 7006 года.

– Я тоже. Вот поэтому и пришлось без зазрения совести испортить вам этот славный вечер и весь конец недели. Возьмите дело под личный контроль, генерал. Возможно, «король» это один человек, возможно, группа под псевдонимом. Эти сенсы опасны, они могут ответить ударом на удар, и все же постарайтесь их найти. Ради нашей дружбы. Ради памяти Фила.

Шеф Департамента Обзора медленно кивнул.

– Я сделаю это.

– Хорошо. Заберите все необходимые материалы у меня. Они существуют лишь на бумаге.

– Опасаетесь утечки?

– Не скрою, да. Я ее очень боюсь, мне не нравится заметная осведомленность ивейдеров.

– Я сам займусь нашим общим делом.

– Хорошо. Свяжитесь со мной, как только наметятся сдвиги...

Они расстались по-дружески. Как только за шефом Департамента захлопнулась роскошная дверь, кибер вынырнул из-под складок скатерти.

– Отменно сработано. В тебе есть лицемерный талант актера.

Расстроенный и усталый Фантом сердито отмахнулся:

– Врешь! Врешь, подлая железяка, я был искренним. В конце концов, с этим безобразием – уклонением от реабилитации – пора кончать.

Кибер фыркнул и неспешно отошел в сторону, чтобы улечься на свое излюбленное место – рядом с пустым, чистым до холодного серебряного блеска угольным ведром.

* * *

Ровно через один день, деловым летним утром, подчиненный Егеря, инспектор Департамента Обзора, тридцатилетний Тэн Цилиан, удобно расположившись за терминалом Системы, играл пси-вводом, словно четки, перебирая длинную последовательность фотороботов и фотоизображений. Смена картинок каждый раз сопровождалась коротким, почти мелодичным щелчком, который существовал только в воображении Цилиана.

– Мой шеф великолепен – ищи невидимку в темноте, лови того, о ком ничего нет в архивах, – подумал Тэн внимательно присмотрелся к очередному портрету.

Случайные очевидцы пси-хулиганства наградили безвестного не реабилитированного псионика широким подбородком и крепкими щеками здоровяка. Рубленые черты и могучие надбровные дуги заставляли задуматься о предках человечества, близко посаженные лютые глазки, казалось, сверлили диафрагму Цилиана. Инспектор выругался – с фоторобота на него смотрело карикатурное изображение бандита средних лет.

– Убого восстановлено по минимальным данным. Ну что ж, будем работать с тем, что есть, в конце концов, репутацию корифея следует оправдывать хотя бы иногда. Система, давай комментарии.

– Первоначальные данные. 06.13. в секторе столицы Юго-восток патрулем Обзора был обнаружен ментальный сигнал, указывающий на возможное присутствие пси-мутанта с коэффициентом, близким к 95. Объект приказаниям не подчинился и в ходе завязавшегося...

Такие комментарии вызывали у инспектора Цилиана раздражение. Конфликт псионика с патрулем инспектор мог представить без особого труда. Тошнота, галлюцинации, утрата связи с реальностью. Из ватных пальцев вываливаются бесполезные излучатели, металл обиженно звякает. Следом, словно отыгравшие свою роль арлекины из театра марионеток, валяются сами оперативники. Надо всем этим витает запах экскрементов...

Система по-своему логично истолковала промедление Цилиана.

– Предоставить снимки подробностей?

– Нет, не надо. Без убитых, надеюсь, обошлось?

– Жертв не было.

«Этот сукин сын гордится своими способностями, – подумал Цилиан. – Он не боится и направо-налево оставляет живых свидетелей. Скорее всего, иллюзорная внешность псионика не имеет ничего общего с реальной. Наверняка он сконструировал фальшивый образ, полностью противоположный самому себе, такого антиблизнеца».

– Система, смоделируй личность по изображению номер 116.

Цилиан прикрыл глаза, на фоне опущенных век заплескали белые искорки – неумолимые свидетели усталости. Обруч ментального ввода взъерошил короткий ежик волос и незаметно съехал на затылок.

– ...готово.

– Что? – инспектор понял, что нечаянно уснул прямо у терминала Системы.

– Результат моделирования. Мужчина, предполагаемый возраст – 45 лет, телосложение крепкое, лицо квадратное, интеллектуальный коэффициент 0.47, коэффициент агрессии 0.88, коэффициент физического развития 0.89».

Описание было точным, не представляло никакой ценности и полностью соответствовало картинке – среднего ума и средних лет громила.

«А ведь ерунда у тебя получилась, – мрачно подумал Цилиан. – Ученые из отдела программирования зря проедают гонорары. Три года работы над искусственным интеллектом. Полчаса ожидания – и вот, результат, до которого за минуту додумается любой тупица».

– А теперь, Система, сконструируй противоположный личностный тип, – попросил он.

– Результат готов. Женщина, возраст 17 лет, интеллектуальный коэффициент 0.53, коэффициент агрессии 0.12, коэффициент физического развития 0.11».

– Понятно. То есть костлявая, трусливая молоденькая психопатка в состоянии острой дистонии. Это и есть Воробьиный Король?

Цилиан обозлился, царапая ухо, потащил с головы обруч пси-ввода, выключил терминал, медленно встал, потянулся, размял усталую спину и онемевшие плечи.

– Итак, у нас задача со многими неизвестными. Я не верю, что вожак ивейдеров – леди, иначе это существо называло бы себя королевой, а не королем, женское тщеславие непреодолимо. Сколько лет этому Королю на самом деле? Реабилитация становится проблемой псионика в шестнадцать-семнадцать, так что моложе он быть не может, а судя по наглости и хладнокровию – гораздо старше. В иллюзии очень плотный, почти толстяк, к тому же брюнет, а это значит... в реальности, наоборот – мы имеем дело с двадцатипятилетним парнем, худощавым, светловолосым, обладающим ненормально высоким пси-коэффициентом, со склонностью к жестокости, лидерству и риску. Чем не версия? По-моему, сойдет за неимением других.

Тэн Цилиан отцепил от пояса уником, быстро, почти не глядя набрал номер.

– Приемная Пирамиды? Вазоф? У тебя много просителей?.. Ага, значит, достаточно. По делам о задержанных уклонистах кто-нибудь приходил? Родственники? Так я и знал. Жди, я сейчас спущусь.

Центральный лифт Департамента стремительно пошел вниз, инспектор отсчитал полтора десятка ярусов и выскочил в мягко отворившийся проход. Приемные апартаменты Пирамиды делились на две неравные части. «Задворки», отгороженные пси-турникетом, предназначенные исключительно для офицеров, сверкали чистотой, манили комфортом и оставались полупустыми. Прозрачная исключительно с внутренней стороны перегородка позволяла разглядеть просторный «внешний» офис – пестрели летние костюмы, помещение наполняла усталая, раздраженная ожиданием толпа. Посетители суеились, сovali свои жетоны в прорези кибер-администратора, но вместо очереди получалась какая-то чехарда. В кабинет инспектора Вазофа гостей приглашал все тот же самый кибер – номер счастливчика случайным образом появлялся на табло под самым потолком.

Кучка подростков, прячась за широкими спинами соседей, безнаказанно забрасывала разумное устройство жвачкой – датчики пси-слежения глушила мощная аура толпы. Остальные коротали время кто как сумеет – говорили шепотом, играли с личными униками, кое-кто почти беззвучно твердил молитву Разуму. Кибер уже очистился от жвачки и бойко раздавал бесплатные брошюры.

Невидимый для толпы Цилиан прижался лбом к перегородке и тонко, иронично усмехнулся. Брошюра называлась «Основы пси-безопасности. Защити себя сам» и без ложной скромности могла считаться вершиной бюрократического творчества Пирамиды.

– Как будто в этом мире можно добиться безопасности...

Цилиан помедлил еще чуть-чуть. Девушка в коротком платье, с толстой льняной косой одиноко стояла поодаль, ей, очевидно, не хватило пластикового кресла. Он нее заметно веяло болью и страхом.

– Псионичка? Не может быть.

Инспектор мягко, по-тигриному отступил от стекла, толкнул дверь кабинета Вазофа.

– Привет, коллега.

Вазоф поднял голову со скрещенных рук, потер помятую щеку.

– Спишь на работе?

– Нет, конечно, просто отключился на пару минут. День безумный – все идет наперекосяк. А чего ты хочешь от этой жизни, Тэн? Жара держится уже два месяца, столичные психи заработали себе обострение и осаждают наш Департамент. Вчера кибер вызывал бригаду из клиники – двух просителей пеленали в смиренные рубашки. Вот они, истинные, а не вымышленные жертвы общементальной проблемы! Ты зря смеешься, мой циничный друг...

– Я не смеюсь.

– Конечно, ты всего лишь пакостно улыбаешься. Между прочим, кибер заразился и тоже сошел с ума – ты видел, что он вытворяет в офисе?

– Напрашивается на неприятности. Мой совет – вызови-ка ему пару крепких парней из ремонтного отдела, пусть скрутят идиота.

– Непременно вызову. Ты ко мне по делу?

– Да, включи камеру слежения за залом... Видишь девочку? Вон та, высокая блондинка у стены. Она псионик?

– Сейчас, настрою аппаратуру, аура толпы здорово мешает... Стоп! Есть попадание. Нет, ты ошибся, по пси-показателю все чисто. Скорее, девушка просто боится. – ты интуитивно поймал ее страх. Видишь, четкий очерк скул, голубоватые тени в глазницах, характерное выражение страдания? Высший класс, выглядит, словно маска трагического актера...

Цилиан жестко подавил собственное бешенство, правильное лицо его оставалось бесстрастным.

– Пригласи ее на прием без очереди.

– Не тот типаж. Мне не очень нравятся девочки-северянки.

– Мне тоже, но это не имеет значения.

– Хорошо, с друзьями я не любопытный, можешь оставить свои тайны при себе. Вот так... Пошлем приказ нашему придурку, электронному администратору. Ты сам займешься с блондинкой?

– Да. Отдыхай, я тебя сменю.

Вазоф мгновенно исчез за дверью. Девушка вошла решительно, длинные ремешки обуви обвивали ее щиколотки.

– Здравствуйте, свободная гражданка, – дружески кивнул Цилиан. – Садитесь, я весь внимание. Как лучше к вам обращаться?

– Меня зовут Авителла Брукс.

– Отлично! Кстати, искренне извиняюсь за безобразное поведение кибер-администратора, очень неприятный инцидент, я позабочусь, чтобы оплеванную машину убрали на склад.

– А мне его почему-то жаль. Этот кибер старался как мог, просто в зале слишком много народу.

– Такие соображения не оправдание, мы все тут, включая глупого кибера, живем на деньги налогоплательщиков. Если хотите, внимательность – наш долг. Не заступайтесь, бездельнику самое место на складе.

Девушка поняла шутку и грустно улыбнулась, лицо ее смягчилось, на миг утратив напряженное, трагическое выражение.

– Я вас слушаю, – подбодрил Авиту Цилиан. – Говорите. Кстати, хотите кофе?

– Но...

– Не бойтесь, очередь на вас не обидится. Во-первых, мы по-быстрому, во-вторых, мой коллега сейчас начнет прием в соседнем кабинете, – хладнокровно солгал он.

Кофеварка действительно сработала быстро.

– Пейте, не торопитесь. Я подожду.

– Спасибо, но я и так сама не своя, словно на иголках сижу.

– А вы не трусьте, разве я такой страшный? У меня нет ни рогов, ни копыт. Поймите, я здесь, чтобы решать ваши проблемы.

Девушка пожала плечами и нерешительно подергала кончик туго заплетенной косы.

– Ну, не знаю, захотите ли вы мне помочь. У меня брат в накопительном лагере, и он точно ни в чем не виноват.

– Вот как? Очень даже поверю, в лагере сейчас сотни людей, некоторые попадают туда случайно, можно сказать, за компанию. Кстати, накопитель – не тюрьма, там сидят не преступники, а те, кому некуда податься. Вы любите брата?

– Да!

– Вот видите, как ему повезло. А ведь многие не любят псиоников, есть жестокие типы, которые готовы выгнать сенса из семьи. Закон запрещает подобным родителям избавляться от детей-мутантов, но жизнь такого мальчишки едва ли будет счастливой...

– Я совсем не об этом. Моего брата забрал патруль, у Лина еще нет конфедерального жетона.

– Сколько ему лет?

– Шестнадцать лет и два месяца.

– Самое время для него пройти реабилитацию и обзавестись статусом. Чего вы боитесь?

Цилиан старался не показывать жадного интереса, почти незаметно наблюдая, как в уголках серых глаз девушки собрались слезы, потом им стало тесно, и слезы бурно потекли, оставляя на точеных скулах и гладких загорелых щеках извилистые дорожки.

– Великий Космос! Да что же я такого сказал? Прошу вас, умоляю успокоиться! В конце концов, любая проблема может быть решена. Я охотно помогу вам, только не надо плакать...

– Мой брат болен. Ему не вынести антидот.

– И только-то? Для людей слабого здоровья в законе есть исключение. Оформить лицензию будет не просто, но я охотно помогу вам добиться справедливости. Улыбнитесь, не все так страшно, как кажется.

– Это не все. Он подрался.

– С кем подрался?

– С чиновниками в офисе Реабилитации.

– Жаль. Мальчика могли побить сгоряча.

– Потом он сбежал и два дня прятался в какой-то грязной трубе под землей.

– Это тоже совершенно зря, в таких местах легко можно задохнуться. И все?

– Да! А по-вашему этого мало?

– Ну не так много, чтобы надрывать себе сердце и портить внешность. Скажите, Ави-телла, вы мне верите?

Девушка медленно подняла залитое горько-соленой влагой лицо. Цилиан терпеливо ждал, пока она успокоится, ощущая азарт охотника.

– Я вам верю, – медленно кивнула Брукс. Кончик льняной косы упал ей на грудь.

Цилиан отвел глаза и мужественно уставился в потолок.

– Отлично! Доверие – замечательная вещь, доверие вдохновляет. Я сам, лично, займусь вашим делом, а если я берусь за работу, то делаю ее как следует. Вам придется зайти ко мне еще разок. Хотя...

– Что?

– Я не хочу подвергать вас оскорблениям этого кибера-вырожденца. Как насчет того, чтобы...

Тэн на миг задумался, стоит ли просить у девицы номер.

Такая просьба отдавала пошлостью. «Чтобы не пугать птичку, переставим акценты».

– ...как насчет того, чтобы взять мою визитку? Примите ее, леди, звоните через неделю – к тому времени я наведу справки.

– Так долго?!

– А? Что? Важные дела не терпят суеты.

– Но мой брат в лагере!

– Не думаю, что ему там очень плохо. Ладно, придется мне поднапрячься, позвоните дня через три.

– Спасибо. Я позвоню.

Девушка поднялась и хмуро побрела к выходу, шаркая о ковер сандалиями.

Цилиан проводил взглядом ее стройный силуэт, потом повернулся к терминалу Системы, быстро, не доверяя ментальному вводу, набрал на клавиатурке свой личный код и имя просительницы. Довольно качая головой, прочитал длинный текст. Снова запросил блок моделирования и ввел те самые скудные данные на Воробьиного Короля, которые так мучительно искал всего час с небольшим назад.

– Отлично. Их совместимость и вероятность встречи на высоте. Даже если девушка не выйдет на Короля, или ивейдеры ее убьют... Риск ничтожен, она не наша сотрудница, и будет лишь моим одноразовым агентом. Все-таки в девушке есть стержень. Лет через пять она бы раскусила меня и отправила к такой-то холере. И поделом мне, многогрешному! Все дела надо делать вовремя.

Цилиан повернулся и вышел, ничуть не заботясь о том, что оставляет за спиной огромную взбудораженную очередь и пустой кабинет.

Вслед ему неся визгливый синтезированный голос кибер-администратора.

Глава 3. Авителла

7010 год, лето, Конфедерация, Порт-Калинус

Она с трудом выждала три дня – это были знойные дни, какие случаются в самом разгаре лета. На том конце долго не отвечали, скорее всего, Цилиан бросил где-то в доме свой уникон.

– Слушаю.

– Это Авителла.

– Кто?

– Авителла Брукс.

Инспектор несколько секунд молчал. Когда он заговорил снова, у Авителлы что-то оборвалось внутри – в голосе Цилиана слышалось разочарование.

– Да, я понял, спасибо, что позвонили...

– Мой брат...

– Я уже сказал – все понял. Это не публичный разговор.

– Но...

– Давайте встретимся лично, я не стану прежде времени будоражить вас новостями.

Авиту обожгло тревогой, Цилиан помялся, по-видимому, соображая.

– Через час, в парке Древесной Эстетики. Ждите меня под аркой у входа, там и поговорим.

Он, не дожидаясь ответа, придавил клавишу отбоя. Авита положила уникон. Статуэтки Лина молчали. Человек-ягуар напрягся в недобром ожидании, буря уносила куда-то изломанные крылья мертвой чайки. Ангел молчал, то ли осуждал, то ли одобрял – не поймешь.

– Ладно, мы во всем разберемся сами.

Машина завелась сразу – повезло. Брукс под пристальными взглядами соседок вырулила со двора, ровно работал мотор, теплой лентой разматывалось и ложилось под колеса шоссе.

Парк Древесной Эстетики буйно цвел ярко-красным. Площадка подле арки пустовала, Цилиан еще не пришел, среди листьев угрюмо гудели шмели, мимо в обнимку брели усталые парочки.

– Вот и стой теперь как дура у всех на виду.

Брукс прошла в глубь парка. На маленькой, вымощенной серым сланцем, поляне тихо пел фонтан. Рядом торчала массивная каменная скамья, ее ножки, все в мелких трещинах, пятнал налетом зеленоватый грибок.

Авита присела на скамью. В самой чаше фонтана что-то плескалось. Там оказались не декоративные рыбки, а толстые и беззащитные головастики какой-то амфибии – зрелище и трогательное и противное одновременно.

– Вот придет сторож и вычистит вас отсюда, ребята.

Сбоку, закрывая свет солнца, косо наползла длинная тень. Авита испуганно обернулась.

– Не пугайтесь, это я, Цилиан. Здравствуйте, Авителла.

– А я вас ждала у арки.

– Простите, опоздал.

– Как вы меня нашли?

– Это было нетрудно. Площадка у фонтана – единственное место, где Древесная Эстетика не угнетает. Мне не по душе избыток яркой экзотики; оказывается, у нас одинаковый вкус.

Авита угрюмо кивнула.

– Что вы хотели мне рассказать?

– Поймите меня правильно, девочка, все не так просто.

Самообладание изменило Авите, губы задрожали, она прикусила их, чтобы не расплакаться.

– Что случилось?

– Ваш брат оказался причастен не только к драке в офисе Реабилитации, дело гораздо серьезнее.

– Почему?!

– Вы слышали истории про Воробыниного Короля? Впрочем, непонятно, зачем я спрашиваю, слышали наверняка – это лидер подполья ивейдеров.

– Кого-кого лидер?

– Ну, не прикидывайтесь глупышкой, вы сильная и умная девушка. В Конфедерации есть нелегальная организация ивейдеров – псиоников, которые всеми силами пытаются избежать реабилитации. Я не знаю, где и как, но ваш брат имел с ними контакты. В душе я его понимаю – тяжелая болезнь, естественные опасения за будущее, боязнь потерять редкий дар, который как-никак скрашивал ему жизнь...

У Авиты нестерпимо горели щеки, сердце вначале замерло, зато теперь неистово колотило о ребра.

– Вы меня обманываете, скажите, что обманываете... У Лина не было таких друзей! Это неправда!

– Правда-правда. Возможно, вы просто не знали об этом.

– Он бы сказал! У нас не было друг от друга секретов.

– Я верю в искренность вашего возмущения, и все-таки не обольщайтесь. У брата от сестры всегда бывают секреты – мужские тайны.

Авита попыталась взять себя в руки. Зной предполуденных часов неслышно вибрировал в воздухе. Цилиан держался небрежно, с изрядной долей фатализма.

– Ладно, глядите, – сказал он. – Убедитесь сами, что все просто, обыденно и, наверное, обидно.

Пачка фотографий веером рассыпалась по каменной скамье. Брукс с опаской подняла верхнюю картинку.

Незнакомое место. Тонкий, хрупкий силуэт Лина. Рядом контур спины высокого незнакомца. Нечеткое пятно со смешно приподнятой ногой – случайно попавший в кадр прохожий.

На втором фото Лин сидел за столиком кафе, рядом с тем же самым высоким парнем – на этот раз незнакомец оказался повернут к фотокамере ухом и виском, профиль смазан движением, плечи не в фокусе, зато четко была видна рука – удлинённая, сильных очертаний, с зажатым в пальцах конфедеральным жетоном.

Авита оттолкнула пачку фотографий. Цилиан казался искренне расстроенным.

– Теперь-то вы мне верите? За возможность незаконной натурализации псионик, что называется, продаст душу. Ваш брат хотел сохранить свои способности сенса, избавиться от антидота и получить полное гражданство Конфедерации.

– И что теперь будет?

– Не знаю. Я честно хотел вам помочь, просто мои возможности ограничены... Ну-ну... Прошу вас, не плачьте, не выношу девичьих слез – у меня сдают нервы, и пропадает возможность мыслить логически.

Авита вытерла скулы запястьем.

– Его теперь накажут?

– Не знаю. Вообще-то ваш брат почти не виноват, к тому же несовершеннолетний. Можно взять хорошего адвоката...

– На хорошего у меня денег нет.

– Жаль, другой вариант тут не подойдет – ситуация сомнительная. Кстати, того ивейдера, с фотографии, так и не поймали. Конечно, будь у нас в руках сам Воробыниный Король, невиновность вашего брата стала бы очевидной. Но что я могу поделать? Подлый мир, под-

лые обстоятельства. Ах, девочка! Жизнь устроена так, что первыми гибнут лучшие – чистые, талантливые и беззащитные...

Авита прижала ладони к лицу, слезы потекли по пальцам, веки моментально опухли, перед глазами дрожала влажная дымка, она почти скрыла и деревья, и фонтан, и толстых головастиков. Цилиан осторожно отнял ее ладони от мокрых щек.

– Прошу вас, не плачьте, Авита. Вы сделали все, что могли. Я тоже сделал все, что только сумел.

Она не успокаивалась. Инспектор с дружеской непринужденностью взял девушку за плечи.

– Если бы мы могли отыскать этого Воробьиного Короля... Даю вам слово честного конфедерата – рано или поздно я найду тех, кто подставил вашего брата. Эти люди сначала подманили мальчишку, потом бросили его в беде – пусть ответят по справедливости. Жаль только, что справедливость зачастую приходит слишком поздно. Если вы мне поможете, вместе мы могли бы успеть...

– Чем помочь?

– Найти Короля ивейдеров. Такие типы легче контактируют с молоденькими девушками, чем со взрослыми и сердитыми парнями вроде меня. Нужно поймать его с поличным. В запутанном деле поможет любая информация...

Авита изо всех сил рванулась из цепких рук Цилиана, он, должно быть, не ожидал такого оборота дел и не сразу разжал пальцы. Брукс наградила незадачливого искусителя крепким тычком – раскрытой пятерней прямо в грудь.

– Я тебе не сучка-стукачка!

Она развернулась и побежала прочь, но не в сторону арки, а по гранитной дорожке в глубь источающего экзотические запахи леса.

– Да постойте же! – заорал вслед ошарашенный Цилиан. – Вы меня не так поняли! Я не имел в виду ничего плохого. Что за детские обиды?

Авита молча поддала скорости. Шаги наблюдателя раздавались у нее за спиной. И тогда Брукс раздвинула скопище широких, ломающихся под руками листьев и нырнула в самую чащу. Здесь пели птицы, шумели кроны, там и сям лепились гроздья белесых, синими точками грибов. Авита неспешно шла, загребая траву толстыми подошвами сандалий. Чужие шаги на дорожке притихли – должно быть, «благодетель» отвязался, потому что устал. «Может, я и вправду зря на него разозлилась?»

Эй! – крикнула Авита из озорства, лес не ответил, инспектор тоже промолчал, наверное, уже гнал свою машину прочь.

Она прошла еще немного – одна-одинешенька в самой глубине Древесной Эстетики.

– О-го-го! Эй, есть здесь кто-нибудь?

– Есть! – бодро ответили ей из кустов.

Кусты раздвинулись, обнажив полянку с черным костровищем. Возле груды полусгоревших дров (Авита сквозь слой сажу узнала полешки, нарубленные из розового дерева) сидела неопределенного вида троица. Летние плащи пятнала грязь, возраст просматривался плохо, на лице одного из «туристов» смачно налился свежий синяк.

– Добрый день.

Авита на всякий случай вежливо кивнула и попятилась назад. Троица зашевелилась, крайний из бродяг поднялся – Брукс заметила дыру на левом колене его брюк. В отверстие выглядывала грязная кожа.

– Привет, котенок. Заглянула в гости – хорошо.

Авителла, не дожидаясь дальнейшего, развернулась и бросилась прочь. Владелец дырявых брюк догнал ее в три прыжка и, поймав за воротник, швырнул на землю. Заныла подвернутая лодыжка. Поясная сумочка отцепилась и отлетела в кучу белесых грибов.

- Свежее мясо прибыло. Валяй ее.
- Чур, сумка моя.
- По правилам вся добыча идет в раздел...
- Помогите! – истошно закричала опомнившаяся Брукс.

Оборванцы не обратили на ее крик никакого внимания. Было в них что-то трусливо-отчаянное, от шакалов. Один уже шарил в ее сумочке, двое других заглядывали через плечо приятеля.

- Три гиней. Облом.
- Зато как раз на троих.

Стая не насытилась скудным доходом, Авита съежилась, чувствуя на себе цепкие взгляды хищников.

- Помогите!

Шакалы захохотали.

– Звонко. Теперь делим хозяйку сумки. Мне нравятся этакie статные девушки – с хорошо развитой мускулатурой.

Брукс вскочила и бросилась бежать в сторону потерянной дорожки. Охота заулюлюкала. Чья-то тень метнулась навстречу и наперерез, Брукс увернулась, но тут же растянулась во весь рост, поскользнувшись на куче хлипких тонконогих грибов.

- Ой!

Силуэт человека скользнул мимо, навстречу бродягам. За спиной упавшей Авиты возникло замешательство. Что-то грузно шмякнулось в траву, потом словно бы кто-то сдавленно икнул. Авита села, подобрала ушибленные колени к подбородку и осмотрелась.

Обладатель рваных брюк лежал ничком, откинута левая рука его неловко вывернулась грязной ладонью в небо, на затылке в волосах запутались сухие травинки. Второй бродяга как раз согнулся пополам, оседая – Авита видела последние мгновения его падения. Третий успел достать нож и сейчас, истерически всхлипывая, отмахивался им от Цилиана. Лезвие выписывало в воздухе кривые неловкие восьмерки.

Авителла так и не успела заметить, как инспектор сбил третьего оборванца – движение показалось ей неувловимым, удар пришелся в лицо.

Нож отлетел в сторону и зарылся в рыхлый мох. Тэн Цилиан аккуратно вытер руки тонким дорогим носовым платком, хотел его выбросить, но потом, подумав, убрал в карман.

– Теперь нам не стоит светиться... Вставай и пошли отсюда. Нечего было бегать – сама ищешь себе неприятности.

- Спасибо.
- Да не за что. Хотя, поздравляю – возможно, я сейчас кого-то убил.
- Это была самооборона.

– Конечно, но мне лень доказывать этот правдивый факт в суде. Ты ничего здесь не оставила?

- Мою сумочку с пояса.
- Забирай ее и марш, быстро к машине, нечего на пададь смотреть.

Авита оглянулась на ходу. Цилиан с брезгливой миной обшаривал карманы троички, но, кажется, ничего особо интересного не нашел. Он догнал Брукс через пару минут.

- Это были ивейдеры? – поинтересовалась она севшим до хрипоты голосом.

– Если бы, если бы... Обычные бродяги, они часто забредают сюда из трущоб через дыры в южной стене.

- Спасибо, я и правда вам очень благодарна.

– Ну не мог же я оставить в беде человека, которого сам нечаянно напугал до полусмерти. Ладно, забудем об этом. Раз мое предложение тебя настолько оскорбило, я не собираюсь его повторять. Могу только сказать, что ты поняла меня совершенно неправильно.

– Это почему?

– Во-первых, я не хочу от тебя ничего недостойного, неподходящего для порядочной девушки. Как ты думаешь, можно использовать против врага оружие? Против опасного, жестокого врага, который в любой момент готов залезть не только в твою сумку, но и в твои мозги?

– Конечно...

– Правильно! Оружие бывает всякое. Имей ты излучатель, ты бы без колебаний выстрелила в любого из этих бродяг. Правда? Можешь не отвечать, я и так знаю, что ты не трусиха. А если бы вместо излучателя у тебя было не смертельное, но достаточно эффективное средство, например, инъектор со снотворным или антидотом? Маленький укол – и враг побежден, причем не убит, а только лишился возможности вредить.

– Мне кажется, это как-то не очень честно.

– Полно! А позволить убивать себя и калечить ребят вроде Лина – честно? Я далек от предрассудков и вовсе не считаю псиоников нелюдьми, этот писк и визг насчет мутантов не для меня. Но ивейдер и впрямь почти не человек. Они живут среди нас, пользуясь благами общества, но не желают отказываться от тайной власти, от возможностью корежить нормальных как им заблагорассудится. А это очень нечестно в мире, где за все приходится платить...

– Не знаю, может быть, вы и правы.

– Прав-прав, не сомневайся. Только, как я уже сказал, наш разговор закончен. Если брату понадобится адвокат, я по дружбе помогу тебе заплатить – в меру возможностей, я не очень богат. Отдашь потом, когда будут деньги.

Они вышли под зеленую арку. Авита села в свою машину.

– А вы куда?

– Подбросишь меня до центра? Я приехал сюда на такси.

Брукс кивнула. Мрачноватый, но явно успокоившийся Тэн Цилиан уселся рядом. Авителла молча вырулила на шоссе.

– А он очень опасный, этот Воробыиный Король?

– Опасный, не сомневайся.

– Если его поймают, это поможет Лину?

– Возможно, поможет, хотел бы верить, что это так.

– Я еще могла бы согласиться.

– Я уже сказал – хватит об этом говорить.

– Вы зря на меня обиделись.

– Я не обиделся, я вообще ни на кого не обижаюсь. Ладно, если очень хочется подвигов, остановись у Пирамиды. Я поговорю со специалистами. Кстати, не уверен, что тебя хорошо примут – желающих служить Каленусии и так хоть отбавляй, серьезным людям не до обидчивых девчонок.

– Мы еще успеем сегодня?

– Может быть.

Мелькнул желтый дорожный указатель, кар ворвался в суету городского вечера. Небо постепенно сменяло глубокую синеву на лиловую раскраску сумерек. Авителла ловко обогнула дорожную пробку, проехала по кольцевой дороге и свернула на радиальную. Здание штаб-квартиры Департамента Обзора нависало над кварталом. Вход в тот самый офис, в котором три дня назад суетился облепленный жвачкой кибер-администратор, остался с противоположной стороны. Цилиан выбрался на тротуар. Узкий, стильно изогнутый козырек нависал над длинным рядом служебных дверей.

– Меня пустят?

– Пустят – вместе со мной. Держись рядом.

Сверхпрочное матовое стекло двери уловило ауру пришельцев и плавно отъехало в сторону – как раз на те мгновения, которые понадобились им, чтобы войти. Заметив удивление Брукс, Цилиан сдержанно улыбнулся.

– Не обольщайся – эта штука сработала на меня. Если бы ты отстала хоть на полшага, осталась бы снаружи одна. Кстати, для любопытных и нахальных тут устроен маленький сюрприз.

– Какой?

– Много будешь знать – веснушки облупятся.

Тэн теперь шел справа и немного впереди. Массивный лифт, наподобие грузового, мягко и почти бесшумно опустил их куда-то вниз, под землю, тут через равные промежутки попадались двери – иногда стеклянные, порой – из толстого металла, длинные плафоны на потолке излучали нейтральный белый свет.

– Куда мы идем? К вашему большому боссу?

– Нет, наш шеф Департамента сидит на верхнем ярусе. Старик пока что не интересуется ни тобой, ни мной – это очень занятой человек. Вот поймает Воробьиного Короля и станем героями, тогда другое дело.

– Здесь очень неприятное место, что-то мне жутковато.

– Ерунда. Слышишь, как удивительно тихо, будто в лесу?

Авителла прислушалась – едва уловимо шелестела вентиляция.

– А куда все остальные подевались?

– Рабочий день уже кончился, наши ребята разбежались кто куда, впрочем, тут неподалеку дежурит один хороший человек. Я попрошу его помочь – это настоящая звезда в тени, специалист высшей пробы...

– Что он делает?

– Если хочешь – сохраняет людям мозги. Ставит пси-нормальным ментальную защиту.

– Зачем?

Цилиан остановился.

– Девочка, я втравил тебя в опасное дело, прямо скажем – в очень рискованное. Мне самому неловко, что так получилось, но сделанного не вернешь. Совершив одну жестокость ради справедливости, совсем не обязательно совершать вторую – я не отпущу тебя туда без ментальной защиты.

– Какой еще защиты?! Мы так не договаривались.

– Ну не в шлеме же тебе туда идти? Наш специалист сделает тебе блок. Если этот парень, Король, или кто-то из его людей нахально полезет в твой разум, он не отыщет там ничего. Я хотел сказать – ничего полезного для них. Для тебя-то польза получится, да еще какая! Не бойся, ты не забудешь ничего – ни меня, ни наш разговор. Зато псионики не смогут читать некоторые твои мысли, и...

– Я не знала, что такое возможно.

– Раньше было невозможно, но наука на месте не стоит. Мы уже пришли, как зайдешь внутрь, будь вежлива. Не груби нашему профессору, он уникал, такой на свете один.

Тэн Цилиан замер в прямоугольной рамке пси-турникета и стал похожим на собственный портрет во весь рост. Наблюдатель даже закрыл глаза. Аविता готова была поклясться, что он послал в Систему формулу ментального пароля.

– Заходи.

Массивная дверь сразу за турникетом удивительно легко отъехала в сторону. Авиата шагнула в проход. Просторная комната сначала показалась ей совершенно пустой – голые стены, обитые матовым покрытием, светящийся потолок, два полукресла без подлокотников. В одном из полукресел в расслабленной позе сидел человек. Его бритая голова свесилась на грудь,

кофейного цвета роба техника медленно приподнималась – незнакомец редко и словно бы затрудненно дышал во сне.

– Калберг, проснись.

Человек поднял голову, потер отечные щеки и высокий лоб.

– Ты все-таки пришел, Тэн? Занятно, я как раз видел характерный сон...

– Ты видел его слишком рано, сейчас только начало вечера. Смотри лучше, кого я при-
вел, – это наша гостя.

– А, та самая...

Авита уставилась во все глаза, лицо бритоголового странным образом изменилось: взгляд остановился, черты на миг потекли, словно он прислушивался к внутренним ощущениям. У Авиты шевельнулись волосы на затылке. Нереабилитированный псионик?

Лин и Марк тоже были псиониками, но простыми и безопасными. Неведомый Воробьи-
ный Король пока что маячил далеко Калберг же был близко и был изощренно опасен.

Паника захлестнула Авиту. Цилиан, почувствовав настроение Брукс, крепко сжал ее
холодные пальцы и тихонько шепнул ей на ухо:

– Не бойся, ты ведь не боялась брата? Профессор Калберг поможет тебе.

– Но...

– Ты злишься на чужие предрассудки, когда думаешь о Лине, а чем профессор хуже? Он
добрый, но очень обидчивый.

Калберг тем временем окончательно очнулся и зашевелился в своем кресле. Глаза под
дряблыми мешочками век сияли, словно звезды. Распад умирающей плоти и вся сила жизни
во взгляде – это сочетание поражало. Брукс несколько секунд смотрела прямо в лицо псионика,
потом осторожно отвернулась.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, Авителла. Я слышал о вас, Тэн мне рассказал. Садитесь во второе кресло.
Авителла осторожно опустилась на прохладную упругую кожу.

– Расслабьтесь, ничего не бойтесь. Тэн, ты ей все как следует объяснил?

Цилиан, которому не хватило кресла, ждал чуть поодаль, у стены. Высокая прямая
фигура в сером летнем плаще. Руки скрещены на груди.

– Я объяснил ей в общих чертах – ты же знаешь, я не силен в науке.

– Не слушайте его, девушка, инспектор демонстрирует скромность. Он вам сказал про
укол?

– Нет.

– Мне придется ввести вам дозу релаксанта. След от укола продержится несколько дней –
лучше всего колоть в ступню. А впрочем, выбирайте сами.

– Погодите, я хочу подумать пару минут.

Псионик устало кивнул и откинулся на спинку белого кресла. Бежали минуты, стояла
тишина.

– Мне все равно, Авителла. Думайте. Если бы я имел право давать советы, я бы посове-
товал вам отказаться, ловить ивейдеров – неприятная работа.

Брукс помедлила еще, бессильно мучаясь в душе. Ледяное равнодушие Калберга сбивало
ее с толку. С одной стороны, дурная слава Департамента давала повод к самым разнообразным
мрачным подозрениям, с другой стороны, Цилиан казался надежным, как скала, и ненастой-
чивым, а Калберг беспристрастным до безразличия.

«Если бы они собирались меня обмануть, они бы никогда не сказали про опасность,
мне бы просто наобещали побольше про Лина».

– Ладно, я согласна.

Калберг неспешно кивнул, веки его дрогнули. Бойко, наверное, повинуясь ментальному
приказу, вкатился приземистый медицинский кибер. Авита взяла со стерильного лотка шприц.

– Отвернитесь, я сама.

Профессор Калберг прикрыл глаза.

– Надеюсь, вы позволите мне не вставать, девушка? Не буду скрывать – я очень болен. Старение, знаете ли, заразная болезнь ненатурализованного псионика...

Авита, не отвечая, мотнула головой в сторону Тэна Цилиана. Тот тонко улыбнулся и, крутанувшись на каблуках, повернулся лицом к стене.

Брукс отыскивала подходящее место на коже и, набравшись смелости, воткнула иглу до половины. Жидкость удивительно легко ушла в мышцу, Брукс успела выдернуть инъектор, и в тот же момент стены комнаты искривились, пластик и металл подтаили, мир потек, безнадежно утратил четкость очертаний.

– А...

Она не успела договорить. Тьма упала внезапно, лишая голоса, мыслей и сил. Авита, раскинув руки, неподвижно, без опоры висела в пространстве бездонной и беззвездной пустоты, и пустота это простиралась в бесконечность. Единственной нитью, связывавшей с реальностью, оставался голос Цилиана. Несколько кратких минут он что-то говорил без слов, обращаясь, то ли к Авите, то ли к невидимому собеседнику. Тон был несколько скандальный и очень убедительный. Голос мерно рокотал. Пространство молчало в ответ.

Потом голос тоже замолчал, и не осталось совсем ничего.

...Когда она очнулась в своем кресле, Калберг уже ушел – должно быть, скрылся в потайном отсеке. Цилиан курил и терпеливо ждал, Авита прочла на его открытом лице искреннее беспокойство.

– Все в порядке? Голова не болит?

– Нет.

Она встала – стены качнулись, но устояли. Сделала шаг – непокорный пол попытался мягко вывернуться из-под сандалий.

– Дайте мне, пожалуйста, руку.

Инспектор мягко взял ее за локоть.

– Ставь ножки покрепче. Вот так. Пошли – на улице тебе станет легче.

– Почему все качается?

– Ничего страшного, временная иллюзия, Калберг сделал тебе ментальный барьер – все, как мы договаривались. Не обижайся, девочка, что он ушел, не простившись, профессор очень устал.

– Он сильный сенс?

– Конечно. Может быть, единственный легальный взрослый псионик Каленусии. Это очень грустная история. Помогая тебе, старик потерял пару недель жизни. Кстати, о том, что ты видела, никому ни слова. Смотри же, не подведи меня.

– Калберг живет в Пирамиде? Прячется ото всех?

– Ты догадливая, – улыбнулся Тэн. – Пошли, пошли.

Они проделали путь в обратную сторону. Сверкнула непробиваемым стеклом высокая дверь. Летняя улица встретила Тэна и Брукс золотом вечера, спокойствием и уютным, мирным шумом города. Головокружение быстро исчезло. Авита немного выждала, неприятные ощущения больше не повторились, и тогда она без опасений села за руль. Цилиан вежливо распрощался и исчез, скрылся за углом – прямой целеустремленный силуэт в сером летнем плаще.

– Ну что ж, вперед! Раз мы выбрали подвиги, то придется идти до конца.

Брукс решила довериться судьбе. Так кончился этот странный вечер.

Глава 4. Поиски смысла

7010 год, лето, Конфедерация, Порт-Калинус

На следующее утро машина сломалась в пятистах метрах от проходной – мотор покашлял и заглох. Авита Брукс выбралась на раскаленный тротуар и с досадой хлопнула дверцей.

– Отличное начало дня.

Утренняя неудача предупреждала о неведомых пока неприятностях. Возле электронного пси-турникета угрюмо маячил развеселый охранник со смятой сигаретой в зубах.

– С опозданием, курочка. Ты нарушаешься на полноценный штраф, должно быть, завелись лишние лишние.

Брукс сняла с шеи конфедеральный жетон и приготовилась вставить его в прорезь турникета. Охранник махнул рукой.

– Не надо. Ты близорукая, что ли? Со вчерашнего дня эту штуку заменили. Новая модель – просто блеск, считывание личного ментального отпечатка, запрос в Систему, жетоны отдыхают, и никаких неприятностей.

– А если заявится чужой? – ехидно поинтересовалась Авита.

– Кибер успокоит его парализатором.

Авита с опаской прошла между отполированными перилами.

– А ведь лицензии на глубокие пси-проверки у вас наверняка нет.

– Боишься – проси увольнения. Очистишь место тем, кто поумней.

К цеху вела бетонная дорожка, обсаженная низкими стриженными кустиками. Возможно, среди миниатюрных листочков тоже скрывались датчики пси-слежения, но это не волновало Авиту. «Интересно, куда Компания деваает такую прорву частной информации?».

Брукс незамеченной нырнула в высокое здание цеха и устроилась в кресле оператора. Девушка, чья смена недавно кончилась, как раз собиралась уходить и поправляла стянутый пестрой лентой пучок белоснежных волос. Ее водяной прозрачности глаза сильно покраснели, усиливая сходство с лабораторной мышью – наверняка сказались бессонная ночь и нервное напряжение. Заметив Авиту, альбиноска обиженно надулась.

– С опозданием, подруга – я полчаса отработала вместо тебя.

– У меня машина сломалась.

– Ладно, извиняю. Будь осторожна, с утра очень туго работает сенс-автоматика. Я уже сказала мастеру, он обещал прислать ремонтников, но что-то никто не идет. В любом случае – я свое отстояла. Светлого тебе разума и всяческих благ.

И альбиноска скрылась, поспешно выскочив за ворота цеха. Авита нахлобучила на голову обруч пси-ввода и надела очки-монитор. Картинка трепетала, как полотнище флага на ветру. Брукс нахмурилась – изображение мигнуло и остепенилось.

– Так-то оно лучше.

Автомат-сборщик покорно ждал, чуточку пульсируя. Привычно скрещивались две нити – линии подвесного конвейера. Работа, изначально рассчитанная на норма-ментальных, не отличалась сложностью, но требовала лусидчивости и внимания. По каждой из двух подвесок ползли условно изображенные детали – по левой «желтые» или «красные», по правой – «синие» или «зеленые», вперемешку. Эти заготовки напоминали Брукс незрелые, но уже кем-то надкусанные груши. Схематически изображенный на картинке автомат подхватывал заготовки, соединял и бросал готовую вещь в лоток. Цвет мультяшной груши в известной мере был условностью, являясь лишь обозначением истинных форм и размеров, но Авита всегда предпочитала не интересоваться лишними подробностями. Система приказов общалась с работником через монитор-очки, прямо сейчас на левой половине картинке маячила желтая полоса, а на правой – синяя.

Авита сориентировалась. Ближняя к автомату «груша» на левом конвейере полыхала красным боком. Брукс легким ментальным щелчком переключила подвеску, «краснуха» свернула с прямого пути, переместившись в запасник – на медленно крутившееся кольцо, увешанное пока что невостребованными предметами. Следующая по порядку «груша» оказалась правильного, желтого цвета. Правый конвейер не создавал проблем – он уже бойко тащил голодному автомату свой синий груз.

– Поехали. Ну и путаница сегодня.

Сборочный автомат заглотал обе «груши», желтую и синюю, меланхолично раздулся и сплюнул в тележку результат. Авита облегченно вздохнула – обошлось без брака. Левая полоса на мониторе окрасилась теперь красным цветом, зато левую подвеску конвейера сплошь усеивали желтые плоды. Девушка на секунду зажмурилась и немного подтолкнула запасник пси-пинком. Где-то далеко, в реальном мире, обиженно загудел мотор. Кольцо поспешно повернулось, отставленная вначале за ненужностью красная «груша» перескочила из запасника на главный конвейер, замещая нехватку.

– Кушай на здоровье.

Работа шла своим чередом, мелькание «груш» сливалось в пляску красок и ментальных образов. Авита удивилась – тщательно подогнанный обруч все сильнее давил виски.

– Что за дрянь? Мне ведь больно.

После этих слов хватка обруча вроде бы ослабела. Картинка на мониторе опять встрепенулась, Авите пришлось прищуриться, чтобы удержать изображение на сетчатке.

– Ой, мамочка и папочка! Когда это кончится?

Она скосила глаза на таймер, оказалось, что прошло всего полчаса, до конца восьмичасовой смены оставалась целая вечность. «Груши» сыпались словно из рога изобилия, команды норовили усложниться, в какой-то миг Брукс показалось, будто она утратила способность различать цвета. В висок остро ударило молоточком боли. «Неужели вся эта сумятица в мозгах из-за блока?». Левую подвеску сплошь усеивали красные «груши». Призывно горела желтая полоса. Запасник оказался пуст. Разум Брукс заметался, отыскивая несуществующее решение.

– Система, сброс!

Она метнула в пустоту ментальную команду аварийного торможения и немного расслабилась. Остановка конвейера считалась нежелательной, это могло стоить годовых премиальных, но, по сравнению с порчей сборочного автомата, была, пожалуй, куда меньшим злом.

Картинка застыла. Автомат прекратил пульсировать, «груши» замерли на подвесках, застыли кольца накопителей.

– Уф!

Брукс судорожно вздохнула и стянула очки, вытерла глаза и мокрый лоб. Потом убрала со лба растрепавшиеся пряди.

В ту же секунду ее охватила растерянность – реальное положение вещей совершенно не соответствовало тому, что коварно подсовывал ей монитор. Сборочный автомат продолжал неистово работать, поглощая впереमेжку все детали – «красные», «синие», «желтые» – любые. Впрочем, вне виртуального мира очков все железяки были одного и того же стального цвета, различались только формы. Оба конвейера, левый и правый, крутились вовсю, детали шли на приступ, явно собираясь похоронить под завалом сборочную машину. Автомат не сдавался и, лихо сотрясаясь, плющил неодушевленные жертвы, сильная вибрация раскачивала его станину. Лязг и скрежет стояли невероятные – прозрачные стенки операторской кабины бряцали, в приемном лотке, росла куча безнадёжного изжеванного, покалеченного металлического лома.

Ошеломленная Брукс видела, как рысью несется по узкому проходу разъяренный мастер Цин. Его щеки пылали, короткие волосатые пальцы сжались в плотные кулаки.

– Дура! ДУРА!!! Жми ручной останов!

Авита опомнилась и рванула рычаг. Конвейеры под потолком нехотя протащили груз еще около метра и встали, лязгнув напоследок. Должно быть, неудовольствованный демон беспорядка, вселившийся в Систему, приготовил прощальную шутку – в этот момент разом ослабели все захваты, и подвешенные к потолку детали четырех сортов бойко посыпались вниз, со стуком ударяясь о бетонный пол. Болванки падали относительно далеко, но осторожный мастер съежился и бодрыми скачками пустился под защиту авитиной будки – каждая такая «капля» превосходила размерами футбольный мяч. Цина не любили за мелочность, люди в соседних отсеках, оправившись от удивления, хохотали. До Брукс почти не долетали приглушенные перегородкой стонущие звуки, зато она отлично видела искаженные смехом лица подмастерьев пси-механика.

– Идиоты – таким не жалко ни себя, ни других, ни испорченной работы! А ты, Брукс, просто курица! – Толстяк Цин едва не плакал, растирая струйки пота по лбу и ежику пегих волос.

Авита, с горя осмелев, огрызнулась:

– Свободный гражданин, ваша сенс-автоматика развалилась до трусов.

– Постыдись, Авита, у тебя на уме одни трусы.

Цин завозился со служебным уникомом чтобы настучать дирекции. Хитрец не включил звук, обходясь клавиатурой, Авита не сумела разглядеть через плечо ябедника мелкий текст.

– Пошли, Брукс. Сама будешь объясняться, тебя хочет видеть Мидориан.

Авита уныло поплелась к выходу. На пороге она обернулась – груда испорченных деталей высилась наподобие баррикады. Снаружи, на открытом воздухе жирно блестела пролитая кем-то лужа синтетической смолы. Брукс, зазевавшись, наступила в самую середину. За стоптанными сандалиями потянулся грязный след, подошвы теперь липли к дорожке, но коротышка мастер Цин все равно едва успевал за широкими шагами подчиненной. Металл и особенное стекло административного корпуса наводили на мысли о престиже. Авита шагами сосчитала мраморные ступени – их оказалось ровно шесть.

Секретарша босса, тоненькая порочного вида стрекоза, смерила Брукс ироническим взглядом. Авита гордо распрямила плечи, но не могла скрыть ни потертых бриджей, ни длинной, невесть откуда взявшейся царапины на предплечье.

– Вас ждут, – фальшиво-любезно пропела девушка.

Мастер Цин почему-то остался за дверью. Авита потянула на себя дорогую ручку и оказалась в кабинете Мидориана.

Зрелище стоило посещения – в просторной квадратной комнате не держали ничего лишнего, зато все остальное оказалось выверенным до мелочей. Стол из настоящего черного дерева стол отгораживал босса от посетителей. Между краями толстого ковра и стенами не оставили ни малейшего зазора. Авита поежилась – ковер выглядел очень дорогим, невероятно чистым и был абсолютно белым. Остатки смолы с сандалий Брукс тут же переместились прямым на его густой ворс, но Мидориан, кажется, ничего не заметил.

Чуть повыше плеча засевшего в кресле администратора, на мягко переливающейся стене, висела картина. Брукс на минуту забыла о грядущем разное – полотно ее заворожило. Неизвестный художник изобразил высокий утес. Казалось, акт творения только что совершился и новорожденный камень еще не успели источить ни непогода, ни беспощадное время. С вершины утеса стекал неширокий тугой водопад, рука мастера воссоздала на полотне дрожащую радугу брызг. У подножия скалы собралось мелкое, почти круглое озеро. В лодке-плоскодонке, спиной к зрителю стоял человек в темной куртке, с шестом в руке. Маленькая по сравнению с утесом фигурка притягивала взгляд тонко переданной аурой замкнутости и тайны. Подписи на картине не было.

– Ну что же, Авителла Брукс, как вы объясните приключившийся инцидент?

Авита вздрогнула и оторвалась от картины. Мир водопада исчез. Тридцатипятилетний худощавый администратор Мидориан откинулся в кресле и уставился на посетительницу сквозь подкрашенные контактные линзы. Нельзя сказать, чтобы он откровенно раздевал Брукс взглядом, но и вежливостью тут тоже не пахло – так принято смотреть на просвет прозрачные бутылки с жидкостью сомнительного происхождения.

– Мне подсунили испорченную сенс-автоматику, – сказала она.

– Вот как? Подсунили вам, столь важной персоне, специально испорченную автоматику?

Авита покраснела, легко распознав неприкрытую издевку.

– Мой пси-ввод сработал неправильно.

Мидориан вздохнул.

– Вы внимательно читали технические инструкции, Брукс?

– Конечно, читала.

– Вы помните первый пункт? Самый первый? Так вот, если вы его подзабыли, придется освежить вашу память, я-то знаю эти инструкции наизусть. «Строго запрещается пользоваться сенс-автоматикой лицам, страдающим психическими расстройствами. Категорически запрещается пользование промышленной сенс-автоматикой в течение сорока часов после приема алкоголя. Лица, употребляющие наркотики, к пользованию сенс-автоматикой не допускаются».

– Но я...

– Для меня не важно, кто вы на самом деле – невротичка, наркоманка или растяпа, которая не отложила выпивку до уик-энда. В любом случае вы уволены. Окончательный расчет получите немедленно – в бухгалтерии. Благодарите Компанию. Мы не взыскали с вас стоимость испорченных изделий.

Авита прислушалась к звону в голове. Бездна надежд придавила ее. Все дело в моем ментальном блоке, но Мидориан не знает об этом, а Цилиан приказал молчать, если я ослушаюсь, он найдет другую дуру и отступится от дела Лина».

– Вон отсюда, свободная гражданка Авителла Брукс, – приказал Мидориан.

Авита сделала три шага в сторону двери, потом остановилась и тщательно вытерла измазанные смолой подошвы о белый ковер администратора.

– Прощайте, свободный гражданин осел, – сказала она.

Оставшийся в одиночестве администратор Мидориан придавил кнопку вызова. Стрекоза-секретарша впорхнула, трепеща пышной и короткой, по последней моде юбочкой.

– Позаботься, чтобы вызвали уборщиков, Зина. Пусть наведут здесь порядок – посетители наследили на ковре.

Мидориан проводил взглядом узкую спинку и стройные ножки секретарши.

«Занести, что ли, эту Брукс в черный список? А впрочем, не стоит, меня заподозрят в неумении работать с персоналом».

Осторожный администратор покопался в данных пси-слежения решил не пользоваться ментальным вводом и набрал полное имя Авиты на клавиатурке элегантного киберка.

«Авителла Брукс. Восемнадцать лет, место проживания – Порт-Калинус. Родственники – брат Лин Андерс Брукс. Полные биографические данные закрыты по запросу Службы Гражданской Реабилитации. Не подлежит задержанию и аресту без санкции Департамента Обзора».

– Вот, холера!

Мидориан прижал костлявые пальцы к усталым векам. «Не знаю, в чем тут дело, но эта несчастная девочка не наркоманка, она просто под пси-блоком и числится агентом Департамента. Такие люди могут позволить себе многое, зато кончают плохо».

В этот миг Мидориан ощутил безумное, на грани романтической авантюры желание – извлечь из киберка адрес Авителлы, подкараулить ее где-нибудь в баре или вечером на раска-

ленной улице и как бы мимоходом предупредить об опасности. Через полминуты администратор пожал плечами:

– Ну нет, я все-таки не настолько сумасшедший.

Он сел поудобнее, опустил лицо в холеные ладони и замер, читая про себя формулу расслабляющей медитации. В этот миг дверь кабинета с шумом отворилась. На пороге замер ражий детина с широким загорелым лицом. Напуганный администратор нащупал ноющее сердце под лацканом дорогого пиджака.

– В чем дело?! Чего ради вы ворвались? Почему вы молчите? Вы проглотили язык?! – от Души лютовал Мидориан.

Парень смущенно улыбнулся – неожиданной детской улыбкой.

– Так что вы здесь делаете, грубиян?! Вы сумасшедший?

– Нет. Меня прислали почистить ковер.

* * *

С Цилианом Авита встретилась на прежнем месте. Шумели кроны парка, вода по капле сочила из фонтана, наблюдатель терпеливо ждал на каменной скамье. Выслушав ее рассказ, он равнодушно махнул рукой:

– Не думай больше о Компании. Если все пройдет как надо, твоего гонорара хватит надолго. Работу мы тебе найдем.

– Этот блок в моих мозгах – он опасен?

– Не для тебя. Для него. Воробынный Король не сможет прочитать твои эмоции. За мысли тоже можешь не беспокоиться.

– А если он заподозрит меня именно потому, что ничего не увидит?

– Об этом позаботились. Кое-что он у тебя считает, ровно столько, чтобы принять тебя за наркоманку.

– Тогда он и разговаривать со мною не захочет.

– Еще как захочет – сама увидишь. Мне не приходилось встречаться с Королем, но, по нашим данным, это очень странный парень. Странный и опасный. Кстати, не советую тебе пить с ним, это ослабит твой барьер. Постарайся не затягивать общения, чем дольше ты протянешь время, тем вернее он раскусит подвох. Держи иньектор наготове, как только он зазевается – коли.

– А что будет с ним?

– А какая тебе разница? Во всяком случае, это не смертельно. Не забывай, Авителла, этот человек – преступник.

– Ладно, я попробую. Давайте сюда иньектор. Он заряжен?

– Возьми капсулу, зарядишь сама. Умеешь?

– Конечно. А запасную не дадите?

– А зачем тебе запасная?

Брукс не нашлась с ответом.

– Лучше возьми эти деньги, – добавил Цилиан. – Трать, не жалея, это не твой гонорар, это материальная поддержка на мелкие расходы. Можешь заплатить кому надо, если информация того стоит.

Вскоре они расстались. Цилиан подвез Авиту и высадил ее за квартал от дома.

– Не надо, чтобы нас видели вместе. Я не хочу, чтобы соседи испытывали к тебе неприязнь. До свидания и удачи тебе.

Авита вернулась домой, шаркая по истертым ступеням сандалиями, с подошв которых так и не стерлась смола. Затем она сбросила обувь, включила лампу и аккуратно разложила на кухонном столе иньектор и непомеченную, без фармацевтических надписей капсулу.

«А что, если это не антидот, а яд? Вдруг Цилиан мне наврал? Такой ловкач и подставить может. Скажет, что он тут ни при чем, а меня отправят в тюрьму или интернат для пси-дефективных».

Тишину нарушил судорожный вздох, как будто сетовал на жизнь обиженный кем-то глубокий старичок. Брукс ойкнула и тут же рассмеялась, нащупав лодыжкой теплый меховой бок.

– А ты откуда, Торопыга?

Старый спаниель, собака соседей, замолотил обрубок хвоста, а потом ткнулся влажным носом в ладонь Авиты.

– А ведь точно – не закрыла заднюю дверь.

Соблазн легкого решения предстал во всей красе. Собака устроилась в углу, чтобы почесаться. Брукс взяла короткий, размером с мизинец, инъектор, вложила заряд в гнездо и помедлила. Беззащитный Торопыга растянулся на полу, положив длинноухую голову на передние лапки. Авита вздохнула.

– Прости, друг человека. Я делаю это ради Лина. Она раздвинула шелковую шерсть, нащупала удобное местечко и воткнула иголку. Небольшое количество жидкости, примерно пятая часть дозы, ушла в собачью кожу.

Торопыга слегка напрягся, сопротивляясь, но Авита уже выдернула инъектор. Собака встала, обиженно фыркнула и отряхнула длинную шерсть, но Брукс прикрыла дверь черного хода.

– Придется тебе, друг, задержаться у меня до утра.

Авита ушла в свою комнату и вытянулась на узкой кровати. На подоконнике все еще стоял вылепленный Лином ангел. Лицо статуэттки хранило строгое и многозначительное выражение...

Сон пришел незаметно – в нем плясали, сменяя друг друга, желтые, красные, синие и зеленые «груши». Утром Брукс босиком прошлепала на кухню. Задняя дверь оказалась распахнутой настееж, в углу подсыхала свежая кучка собачьих экскрементов.

– Эй, Торопыга!

Со двора раздалось звонкое тьяканье.

«Хвала Разуму, это не отравка, и Цилиан мне не наврал. Тут еще осталось полно зелья, Королю, надеюсь, хватит. Так надо – ради Лина. Все-все можно сделать ради него».

Она нашла брошенный с вечера уником и набрала знакомый номер. На той стороне долго не отвечали, наконец, в динамике раздался сонный девичий голосок:

– Кто меня разбудил?

Авита хмыкнула – таймер неумолимо показывал полдень.

– Моделька, это Брукс, есть разговор и возможность подзаработать.

– Что, нашла благотворителя? Странное дело для такой упертой невинности, как ты.

Авита пропустила мимо ушей грубости невыспавшейся Модельки. У сердечной подруги было имя, девушку звали Сира, но имя из конфедерального жетона давно потерялось, за ненадобностью затоптанное острыми каблучками.

– Благотворителя нет, но есть деньги. Еще мне нужен псионик. Настоящий, с коэффициентом не меньше восьмидесяти, конечно, не реабилитированный, словом, ивейдер.

На том конце эфира вдумчиво помолчали, наконец Моделька скептически хмыкнула:

– А вот с псиониками *это* делать категорически не советую. Гадость известная, все они обожают заодно копать в мозгах.

«Понятно, что они там у тебя найдут», – подумала Брукс.

– Псионик мне нужен совсем по другому делу. Что ты скажешь насчет пятидесяти конфедеральных гиней?

Моделька, кажется, беззвучно ахнула.

– Половину сразу, половину – потом, – поспешно добавила Авита.

– Ладно, только не вздумай обмануть, а то мои друзья тебя достанут даже из Лимба. Сегодня вечером приходи в клуб, жди, я сама к тебе подойду. Отбой.

– Псионик-то хоть настоящий?

Связь уже прервалась. Авита пообедала и осталась без дела, в тревоге дожидаясь вечера. «Хорошо, хоть на работу не идти». Через час она уже жалела о потерянном месте в Компании. По крайней мере, сборочный автомат и мелькание разноцветных «груш» помогли бы отвлечься от мучительного беспокойства.

– Цин и Мидориан – оба вы уроды.

Ближе к вечеру Брукс извлекла из стенной ниши платье – серебряное, короткое, без рукавов, зато с длинной «молнией» на боку. Инъектор с прикрытой колпачком иглой отлично поместился в лифчик. Проблему создавали туфли – узкие и изящные, они не налезли на припухшие от жары ноги. Старые рабочие сандалии до сих пор пятнала смола.

– Божечка Разум, ну что за невезение! А вдруг этот псионик – какой-нибудь мальчишка? Может быть, он младше Лина, может, он и вовсе не Воробьиный Король? Увидит инъектор, бросится бежать – хорошо я буду смотреться, приударив за ним на каблуках.

Авита кухонным ножом принялась отскребать смолу со старых сандалий.

– Возьму эти, фасончик поганый, но для пользы дела сойдет. Может быть, их никто и не заметит. Ради Лина. Все это ради Лина.

Машина так и застряла в ремонте. Авита сбегала по ступеням крыльца под пристальными взглядами двух соседок. Тетки остались за спиной Брукс и предались ритуальным сплетням.

Смеркалось, пыльный день плавно перетекал в тревожный, безветренный вечер. Запахи разогретого асфальта, сгоревшего топлива, резких духов и еды из уличных ресторанчиков стлались в каменных загонах улиц. Толпа медленно редела, жители столичного предместья разбредались кто куда, край закатного неба над черными крышами отливал чуть позеленевшей медью. Авита прошла три квартала и свернула в тупичок. Клуб под названием «Воронка Оркуса» агрессивно мигал вывеской, возле него на замусоренной площадке топтались насмешливые подростки. Кто-то из них свистнул Авите вслед.

Она расплатилась с вышибалой-кассиром и юркнула в веселую полутьму зала, пытаясь отыскать спокойное местечко.

Росчерки цветных лучей суматошно бегали по стенам, их сложный, управляемый кибером ритм, сплетаясь с музыкой, создавал иллюзорное ощущение счастья. Авита некоторое время следила за мистической пляской геометрических фигур. Должно быть, кибер соединенный с датчиками пси-контроля, ловил настроение толпы – формы и цвет символов приятно менялись, избегая примитивных повторений.

Миниатюрная, перетянутая в талии Моделька вынырнула из толпы и уселась на пластиковый табурет по другую сторону столика, блики плясали на ее бедовой рыжей голове.

– Ты принесла то, что обещала?

Авита выложила на стол туго перетянутый резинкой пакет, Моделька остро отточенным ногтем вспорола шелковистую обертку и пересчитала содержимое.

– Здесь слишком мало.

– Мы же договорились. Остальное после.

– После чего?

– После того, как я встречу с ним и буду уверена, что это настоящий псионик.

Моделька усмехнулась широким, тщательно накрашенным ртом, Брукс заметила, что кончик левого верхнего резца у Модельки сколот. Отметина, по-видимому, появилась совсем недавно – сердечная подруга еще не успела замаскировать недостаток.

– Я поверю тебе. Пока. Обманывать не советую – пожалеешь. А теперь приготовь уши, чтобы слушать. Мне еще дорога моя свеженькая шкурка, поэтому знакомить вас не собираюсь,

но кое-что для тебя сделаю. Здесь плотная толпа, это хорошо. Вон те торчки в углу только что обдолбились и забили своим гнилым пси все каналы слежки. Пока мы невидимы для Системы, я подойду к этому парню и толкну его немного. Это будет просто случайность – поняла? Дальше все в твоих руках. Можешь попытаться его зачать. Только будь осторожна, он очень хитрый и нереабилитированный, если что, смешает твои мозги с дерьмом.

Моделька встала и, виляя худенькими бедрами, принялась ловко лавировать в толпе. Почти у самого выхода она оступилась, толкнула какого-то парня в безрукавке и тут же нырнула в распахнутую дверь.

Авита напряглась, стараясь не упустить незнакомца из виду. Предполагаемый Воробьиный Король – русоволосый, с резковатыми чертами лица парень стоял у стены, сдвинув почти сросшиеся темные брови. На вид ему было лет двадцать с небольшим. Черные круглые глаза, пожалуй, слишком близко посаженные, контрастировали с цветом волос. Больше ничего примечательного в незнакомце не было. Если аномальные псионические штучки тут и имелись, то их наверняка надежно прикрывал ментальный барьер. «Без детектора его не раскусишь».

Авита испугалась так, что едва не спасовала. Она понятия не имела, как привлечь внимание псионика, не возбуждая его подозрений. Ситуация тем временем развивалась в сторону полной катастрофы – русоволосый повернулся к выходу и явно собрался уходить. Брукс наконец решилась, нырнула в толпу и без церемоний растолкала танцующие парочки. Незнакомца она догнала уже на улице. Кусок ущербной луны болтался в сереющем городском небе. Парень уходил без спешки, но и особо не задерживаясь.

«Мне боязно, – подумала Брукс. – Что, если не получится его уколоть? Но я должна попытаться. Должна – ради жизни Лина».

Она прибавила шаг. Глухой стук сандалий смешался с жестким эхом шагов предполагаемого Короля.

Авита проглотила комок в горле.

– Эй, постой! погоди!

Незнакомец нехотя обернулся. Безрукавка на его груди распахнулась. Авита содрогнулась в душе – возможно, она нашла того, кого надо, на шее у незнакомца, под распахнутой безрукавкой, не было конфедерального жетона.

Глава 5. По ту сторону Конфедерация, накопительный лагерь Гражданской Реабилитации

– Подъем!

Марк вынырнул из пестрого водоворота сна. Узкий длинный барак с рядами трехъярусных коек тянулся в обе стороны – направо и налево. Когда-то давно его построили из настоящего дерева – со временем стены и потолок потемнели, следы первоначальной окраски съело время, и Беренгар теперь мог вдоволь любоваться потемневшим «антиквариатом».

– Вставай, придурок!

Пси-толчок несильно, но чувствительно коснулся его разума. Марк привычно и четко поставил барьер – атака соскользнула, опалив холодом, и все утихло.

Лин на самой нижней койке осторожно завожился, пытаясь оторвать от подушки тяжелую голову. Росс уже шел по узкому проходу, оставленному между рядом коек и внешней стеной барака.

– Подъем, павианы!

Кто-то вяло, вполголоса огрызнулся в ответ. К грязным выражениям в лагере давно привыкли, на них не обижались – староста Росс Леонард прославился как раз тем, что умел придавать унижительный оттенок словам из школьного учебника.

– Испражнения декоративной курицы! – процедил он.

Кто-то на третьем ярусе, в углу, истерически, взхлеб захохотал и тут же умолк, словно подавившись. Связываться с Россом побаивались. Он не любил ходить один. Вот и сейчас, сразу за спиной подтянутого, худощавого старосты маячили двое парней, первого звали Мановцев, имя второго ускользнуло из памяти Беренгара. Аура Мановцева ярко пылала, он даже не пытался ставить барьер. Второй подпевала, крепкий темноволосый парень, почти не «светился», зато его взгляд исподлобья не обещал ничего хорошего любителям подраться физически.

– Хватит спать, затычки.

Марк спрыгнул вниз, стараясь не задеть Лина, и принялся одеваться, в который раз удивляясь в душе – навалившись скопом, обитатели барака вполне могли бы расправиться с Россом, охрана почти наверняка не вмешалась бы. Почему староста до сих пор оставался у руля, не сказал бы, наверное, никто. Быть может, у подавленного несчастьем большинства не хватало на бунт душевных сил.

– Дурак ты, Росс. Мелкое, глупое, злое трепло, – пробормотал себе под нос Беренгар и аккуратно зашнуровал ботинки.

Неплотная дверь барака хлопала, болтаясь на расшатанных петлях. С плаца открывался удивительной красоты вид – плоская, как тарелка равнина уходила к самому горизонту. Чуть в стороне от лагеря, на ровном месте торчал из почвы скальный обломок. Солнце уже поднялось, его неправдоподобно огромный оранжевый диск завис, касаясь краем скалы.

Лаконичную красоту пейзажа портила разве что стальная паутина ограды. Вышки по периметру не стояли, аккуратные стандартные домики охраны маячили в стороне, собак в лагере не держали.

Беренгар хмыкнул при мысли о мнимой беспечности реабилитаторов – побеги случались редко. Утыканная датчиками ограда, при любой попытке прикоснуться или просто подойти вплотную, автоматически запускала генератор пси-шума. Жалкая попытка технически имитировать наводку сенса оказалась эффективной лишь против самих псиоников – неуязвимые

норма-ментальные охранники корчились от смеха, глядя на мучения беспокойных или попросту неосторожных заключенных.

Беренгар никогда не прикасался к ограде.

Сейчас квадрат плотно утрамбованного плаца быстро заполняли разбуженные обитатели барака. Мертвая земля, вытоптанная бесчисленными шагами грубых ботинок, не давала даже пыли. Длинные утренние тени бритвенными порезами легли на мертвую почву.

Беренгар проворно поискал свободное место и присел на корточки, прильнув спиной к сухой дощатой стене барака. Лин безвольным комком рухнул рядом. Марка тревожило состояние приятеля – у Брукса-младшего воспалились веки, нестриженные черные волосы сосульками падали на лоб. Лин не убирал грязные пряди, он лишь безвольно шурился и кажется, из всех сил боролся со рвотой.

– Эй, тебе плохо? Ты вчера поел?

– Не помню.

– Дать тебе воды?

Беренгар, не дожидаясь ответа, растолкал соседей и подошел к цистерне, тонкая струя теплой воды разбилась о дно фляжки. Он дождался, пока наполнится посуда, и вернулся на место – к счастью, оно осталось незанятым.

– Пей.

Брукс-младший осторожно отпил глоток и согнулся пополам – скрученный судорогой желудок не принимал влаги.

– Эй, охрана!

Ноль эмоций в ответ. Беренгар протолкался вперед, стараясь не касаться ограды.

– Бабку вашу за ноги, реабилитаторы!

Парень по ту сторону проволоки – высокий, меднобровый, в сером мундире Департамента, нехотя поднял прикрытую пси-шлемом голову. Держался он, однако, на почтительном расстоянии.

– Не ругайся, мутант, а то я сейчас включу глушилку.

Марк попытался расслабиться, и подавленная вспышка ненависти медленно отступила.

– Простите, сержант, я погорячился, беру свои слова обратно. У нас больной, ему нужна помощь врача. Пожалуйста...

– Все вы больны. Мутация – это болезнь.

– У него рвота, это серьезно... Сержант, не уходите!

Меднобровый решительно зашагал прочь. С полдороги он нехотя обернулся:

– Ладно, я пришлю кого-нибудь. Наш медик занят по горло, но, думаю, он выкроит полчаса, если его как следует попросить.

– Спасибо, – только и ответил ошарашенный Беренгар.

Он вернулся на свое место – к барачной стене. Брукс беспокойно дремал, уронив лицо на согнутые колени.

– Потерпи, до полудня к тебе придет доктор. Завтракать будешь?

Лин вяло качнул головой. В западной части периметра уже раздавали еду. Кибер-кормушка, пятясь, подъехала вплотную к периметру, сегмент ограды сдвинулся в сторону, задний люк машины открылся, обнажая считывающее устройство и лоток. Очередь продвигалась быстро, в устройство по очереди совали – кто левую руку, кто только палец. Уловив характерный образ, автомат выбрасывал прозрачный пакет с армейским пайком.

Из-за еды, к счастью, не дрались – ее хватало на всех. Драки вспыхивали ежечасно по другим причинам – из-за косого взгляда, резкого слова, за место в тени у стены, а то и просто по взаимному безмолвному желанию выпустить ар. В ход легко шли и кулаки, и пси-наводки.

Лин на этот раз к кормушке не пошел. Беренгар грязными ногтями содрал со своего пакета прозрачную оболочку и протянул другу галету.

– Хлеб хотя бы будешь?

– Нет.

Солнце поднялось уже высоко. Жара восточной равнины припекала накопитель. Марк краем уха услышал, как кто-то из новичков протянул сипловатым голосом:

– Ну, я и кретин...

– Почему? – переспросили его еще не утратившие любопытства.

– Неделю назад у нас в колледже сперли уникам – все подумали правильно, то есть на меня, но я к тому времени уже загнал эту хреновину. Три раза таскали к судье района, я отпирался, свидетелей не нашли. Под это дело немного закосил от реабилитации, просто с досады пропустил свой срок. Теперь вот сижу здесь. Надо было сознаваться в краже – получил бы штраф и полгода тюрьмы, да и дело с концом. Там хотя бы есть душ и можно гулять по травке.

– Отыграй обратно.

– Поздно. Кто сюда попал, того или выносят в мешке, или вежливо приглашают на реабилитацию. Теперь вот сижу, как идиот, жду своей очереди.

Над воришкой-неудачником заржали. Марку Беренгару захотелось зажать уши. Беспомощный Лин спал, припав затылком к стене. Врач прибыл в лагерь только после полудня.

Стандарт-лекарь неполного статуса, если верить нашивкам на петлицах мундира, брезгливо сторонясь, пробирался сквозь ряды сидящих на земле псиоников. Все тот же меднобровый охранник в шлеме шагал рядом. Черный ствол излучателя без обиняков был направлен в толпу.

– Поймите меня правильно, коллега, – сетовал медик. – По большому счету я бессилен. Здесь нет ни душа, ни спортивной площадки, чтобы побегать. Вместо отхожего места – будка и яма в земле. Вы понимаете, чем все это обернется в ближайшее время?

Охранник с усталым равнодушием промолчал. Врач и не ждал ответа.

– Они болеют, а скоро начнут умирать. Тут перевалочный пункт, в нем положено держать не более сотни людей и не более двух дней – мы загнали сюда тысячу подростков и держим их неделями...

Охранник покачал головой:

– Мне плевать на мутантов, но у меня самого в служебном поселке двое ребятишек. Болезнь заразна?

– Сейчас узнаем.

Врач подошел вплотную, приподнял за подбородок и откинул назад изящную голову Лина. Покачал головой, прижал к грязной шее коробочку детектора. Щелкнула выдвижная игла.

– Я возьму у него анализ. Через час результат будет готов. Если подтвердится серьезная инфекция, лагерь и поселок поставят на карантин, будет скандал, сюда нагрянет бригада врачей из столицы.

– Но...

– Простите, коллега, но долг есть долг, с возможностью эпидемии шутки плохи. Если инфекция не подтвердится, я забираю парня в госпиталь Порт-Калинуса, здесь все останется как есть – разбирать такие крупные кучи навоза у меня нет полномочий.

Лин обмяк, пальцы тонкой руки мелко и неудержимо трясло. Беренгар достал относительно чистый носовой платок и осторожно вытер капельку крови, оставленную иглой.

– Потерпи, остался всего только час. При любом раскладе тебя скоро заберут отсюда.

Тень-силуэт напозла на лицо Брукса-младшего, Марк поднял голову. Прямо в его зрачки, в упор, не отводя пронзительных лучистых глаз псионика, смотрел староста Росс. Рядом угрюмо топтался Мановцев.

– Эй, Беренгар, ты должен отойти с нами в сторону.

Марк поднялся с колен так, чтобы не получилось внезапного удара в живот.

Росс ухмыльнулся уголком тонкого рта.

– Можешь не бояться, плебей, мы явились не для драки.

– А твой дядюшка разве засел в Сенате? Мне без разницы. Случалось, и плебеи жарили аристократов.

Аура Мановцева на этот раз ослепительно вспыхнула, Беренгар увидел сформировавшийся контур почти готовой пси-наводки. Марку на миг сделалось холодно, но тут же окатило волной сухого жара, страх испарился, исчез, Песня снова возникла ниоткуда – стройная смесь звуков, образов и ощущений, яркий и яростный сигнал к атаке.

Росс примирительно и одновременно угрожающе поднял грязную руку раскрытой ладонью вперед. Жест получился почти величественный.

– Тихо, вольные граждане, мирно и смирно. Будем надеяться, что мы всего лишь обменялись приветствиями. Ты мне нравишься, Беренгар, умеешь держать удар. Оставь дружка на пять минут, есть важное дело.

Марк вытер мокрые ладони о штаны и поправил безвольно упавшую голову Лина. Брукс-младший мелко и часто дышал, вязкая ниточка слюны стекала с приоткрытых губ прямо на одежду. Росс, брезгливо морщась, терпеливо ждал.

– Хватит. Пошли.

Они втроем, вместе с Мановцевым, растолкали плечами кучку любопытных. Подпевалы Росса, решив, что расправа отложена, разбрелись кто куда в поисках развлечений. Какой-то совсем зеленый четырнадцатилетка для смеху влез верхом на цистерну с водой.

Марк уходил за барак, затылком чувствуя любопытные взгляды. Компания устроилась в узком закутке между деревянной стеной и кипой бумажных мешков с одноразовым постельным бельем. Росс грязными пальцами взял Марка за пуговицу.

– При других обстоятельствах я стер бы тебя в порошок, плебей, радуйся, но ты мне очень нужен. Понимаешь, что произойдет, когда явится врач?

– Моего друга заберут в госпиталь. Остальное меня не волнует.

– Ты наивен. Давно в лагере сидишь?

– Уже неделю.

– Если у Заморыша ничего особенного не найдут, его заберут, но мы-то все останемся здесь до осени. Или пока не подохнем – многим не дотянуть до сезонных дождей.

– А если у Лина найдут инфекцию?

– Ты славно мыслишь, плебей. Если у Заморыша найдут заразу, нам всем конец.

– Почему?

– Лагерь посадят на карантин, отсюда никого не выпустят – ни сейчас, ни во время мокрого сезона. Территорию оцепят, мы все подохнем здесь, потом придут дезинфекторы и прокалят излучателями еще влажную землю.

– Ерунда. У Лина нет чумы, он просто доходяга от рождения.

– Для комиссии такие тонкости не имеют значения. Им даже выгодно найти у нас чуму и прикрыть это дерьмовое позорище – эпидемия все спишет. Иначе рано или поздно придется отчитываться за тех пятерых, которые сдохли с начала лета.

– Что?!

– Сразу видно, что ты тут только неделю. У нас время от времени умирают.

– Почему?

– Кое-кто получил слишком большую дозу пси-шума. Один чужак поймал дизентерию. Моро просто забили ногами – этот и вправду много о себе мнил и сцепился с охранником – с тем самым, с рыжим.

– Мне не говорили.

– Об этом не любят говорить – плохая примета.

Песня в душе Беренгара исчезла, звякнув напоследок рваной струной.

– А сам-то ты не боишься, Росс?

– В компании трусов кто-то должен оставаться смелым.

Мановцев подошел и встал рядом с Россом. Марк провел сухим языком по губам, попытался подавить внезапную жажду.

– Чего ты хочешь от меня?

– Сотрудничества. Мы решили завалить охрану.

– А что будет потом?

– Будет свобода и все такое.

– Вы оба психи – на нас начнут конфедеральную охоту.

– Республика Арбел нас прикроет. Смотаемся за северо-восточную границу. Это последний шанс, Беренгар, надо им воспользоваться.

Марк Где-то за периметром, в еще сохранившихся пучках травы надсадно и яростно трещали цикады. Беренгар только сейчас заметил, как ввалились за последние дни щеки Росса.

– Если дернемся, нас всех убьют – у тебя нет ни единого шанса, Росс.

– А если не дернемся – передохнем как плебеи, на коленях.

Марк на минуту зажмурился. «Я ничего не теряю и даже не рискую Лином – его все равно спасут». Он медленно наклонил голову, светлые, отросшие и выгоревшие на солнце пряди упали на лоб.

– Ладно, я согласен. С тобой много парней?

– Половина – самые боеспособные.

– Еще один вопрос – ты настоящий ивейдер?

Росс замешкался, борясь с желанием прихвастнуть.

– До лагеря я им не был, зато теперь собираюсь стать самым настоящим. А теперь слушай меня внимательно...

Мановцев тоже подошел поближе, они встали треугольником – в классической позе заговорщиков. Беренгар дослушал Росса до конца. Песня незаметно вернулась, но теперь в нее вплелись ритмы азарта и опасности...

Врач в шлеме явился с запозданием, только через два часа. Марк все это время сидел бок о бок с потерявшим сознание Лином. «Малышню» – тех, кому не исполнилось еще шестнадцати, заранее оттеснили назад, пришельцев встречали только люди Росса. Они терпеливо выждали, пока откроется проем в раздвижной ограде, пока жандармский лекарь и сотрудник Департамента углубятся в толпу. Пятеро охранников – обычное прикрытие – остановились за периметром с оружием наперевес.

Эти пятеро слишком поздно поняли, что происходит...

Марк цепко держал жандармского доктора – внезапно схваченный за шею пожилой человек мог только слабо отбиваться. Мановцев подсечкой сбил рыжего охранника с ног и мгновенно сорвал с него шлем. Щелкнул порванный ремень, человек ухватился за виски и попытался защититься от боевой наводки – бесполезно.

– Не смей стрелять! – заорал Росс, обращаясь к охране, толпа заключенных уже рассеялась, насколько это позволяло тесное пространство плаца. – Не смей стрелять, иначе мы прикончим врача!

Сержант из пятерки прикрытия подошел вплотную к ограде. Он казался совершенно спокойным – глаза равнодушно смотрели сквозь прозрачный лицевой щиток.

– Чего ты хочешь, урод?

– Раздвинь ограду, и мы уйдем. В паре километров отсюда оставим доктора, он нам не нужен. Вы должны просто раздвинуть ограду...

– Я не вижу причин соглашаться.

– Но мы убьем доктора!

– Убивайте, он из корпуса жандармерии, а не из Департамента, и не мой подчиненный. В конце концов, делай с ним что угодно – как только ты пошевелишься, мы откроем огонь.

Росс, казалось, опешил.

– Ты блефуешь, сержант, вы не бросите врача на произвол...

– А ты попробуй и увидишь.

Росс беспомощно оглянулся, поймал взгляд Марка, попытался отыскать поддержку. Беренгар чуть заметно развел руками:

– Они это могут.

Во взгляде Росса на миг появилась почти детская растерянность, но он довольно быстро собрался с духом, вызвав невольное восхищение Марка.

– Вы не рискнете врачом!

– А я рисковал и большим...

Марк уже знал, что сейчас произойдет. Разговор оборвался на полуслове. Сержант, похоже, не скомандовал стрелять, все произошло само собой и почти мгновенно. Беренгар видел, как росчерк излучателя полоснул по деревянной стене барака. Трещал огонь. Кто-то стрелял и обычными пулями – очередь стегнула толпу. Росс, умный и жесткий Росс, беспомощно отлетел и упал плашмя, опрокинутый навзничь сразу несколькими выстрелами. Пронзительный крик толпы ударил по нервам – загнанных в тесное пространство плаца расстреливали в упор. Многие бросились назад, пытаясь укрыться в бараке – очереди дырявили тонкие стенки насквозь.

– Ложитесь! – кричал Беренгар, но его не слышали.

Кто-то, видимо, метнулся на ненавистную ограду, генератор пси-шума сработал в тот же миг. Марк скорчился от боли и выпустил тощую шею доктора, тот крутанулся волчком и пополз в сторону, но недалеко – случайная очередь достала и его. Лин, к счастью, не пострадал – он все так же лежал навзничь, остановившиеся серые глаза безучастно смотрели в небо, кажется, он совсем не испытывал боли. Сам Марк дышал кое-как, пытаясь справиться с нестерпимым ужасом психического страдания, слезы градом катились по щекам. Выстрелы понемногу прекратились, но крик стоял нестерпимый.

– Помоги...

Беренгар услышал слабый зов, отполз сторону и приподнял обмякшего Росса. Кровавая грязь прилипла к бледной щеке псионика. Марк, как мог, отер лицо старосты и положил его затылок себе на колени. Недавняя ненависть к диктатору барака исчезла совершенно. Росс тихо стонал, две алые струйки крови стекали из углов рта по скошенному подбородку.

– погоди, не умирай...

Псионик не ответил. Беренгар опустил безжизненную голову недавнего врага на окаменевшую глину.

– Росс, Росс, что же ты?

То ли пси-шум стал потише, то ли нервная система притерпелась – боль наводки почти исчезла, сменившись самой настоящей душевной болью. Марк отрешенно сел на землю плаца и безнадежно заплакал.

Он не смотрел по сторонам, ничего не видел, он только смутно чувствовал, что стрельба окончательно прекратилась. Кто-то отключил генератор, кто-то раздвинул злополучную ограду. Вокруг, поодаль, и далеко за периметром толпились ошарашенные случившимся люди. Женский голос что-то истерически кричал. Четко падали слова команд.

Потом все смешалось, будто уши Беренгара разом заткнули толстыми комками ваты...

* * *

Через неделю, после того как Марк Беренгар дал показания, его перевели в другой накопитель, в здание бывшего санатория. Адвокат вежливо откланялся и ушел – в нем больше не было необходимости. Уходя, юрист перебросился парой слов со своим дальним родственником, комендантом нового лагеря.

– Повезло? – только и спросил комендант.

– Идеально выигрышное дело.

– Так был там бунт?

– Бунт, конечно, был, но охрана превысила полномочия, так что дело этого Беренгара не дойдет даже до следствия. Солдаты под горячую руку сами прикончили доктора – теперь историю об издевательствах не замнут. Только судить, надеюсь, будут не моего клиента.

– Ребята сильно бузили?

– Глупая непродуманная вспышка. Сержант, по справедливости, должен отправиться в трибунал, стрельба в таких случаях – излишняя жестокость, достаточно было включить генератор.

– Они знали об этом?

– Кто?

– Псионики.

– Про генератор-то? А как же! Знали, только все равно полезли. Я видел это место, Клаус. Там самый заурадный, унылый и грязный ад. От помещенных в ад смешно ждать благоразумия.

Комендант не ответил, и разговор прекратился сам собой. Еще через неделю у Марка Беренгара состоялся очередной разговор с прикомандированным к лагерю психологом.

Лощеный пси-философ, недавний выпускник престижного университета в Параду, работал тут не совсем по специальности. Он подкрутил регулятор кондиционера, струя горного воздуха вольно гуляла по кабинету.

– Полно, Марк, – заявил философ. – Вы страдаете оттого, что не хотите принять неизбежное. То, что вы мне рассказали, просто ужасно, но это осталось в прошлом. Чего ради мучить себя? Ваш друг, Лин Брукс, жив, возможно, он даже выздоровеет. Росс Леонард погиб, но в этом нет вашей вины. Сержанта накажут – мало не покажется. Вы сами действовали глупо, но это можно извинить. Поймите, дело не в разделении людей на псиоников и непсиоников. Просто кто-то выполняет свой долг, а кто-то им пренебрегает. Ваше будущее вовсе не ужасно, реабилитация почти безболезненна, а ваша жизнь вся еще впереди.

Философ задумался о превратностях собственного существования (статью начинающего светила недавно не принял ортодоксальный журнал) и на полминуты забыл о пациенте.

– Вы скоро возвратитесь к нормальному существованию, – добавил он сухо. – Желаю вам успеха.

Беренгар вышел, а ночью ему почему-то приснилась Авителла, которая смотрела с осуждением. Марк попытался ей все объяснить, но сон неожиданно смешался – Росс Леонард вышел из темноты и молча встал рядом.

– Так ты все-таки жив, друг? – спросил его Беренгар, но Росс только улыбнулся и молча пожал плечами. – Я-то думал, что ты урод, а ты оказался нормальным парнем.

На Беренгара повеяло влажным холодком могилы, и он осторожно, шаг за шагом, отошел в сторону. Сон медленно растаял, оставив в душе страх.

Психолог пообщался с пациентом еще парочку раз. К концу общения Марк соглашался с ним почти во всем – чтобы не расстраивать вежливого ученого.

Перевалив за день солнцестояния, лето медленно покатилося к закату и все-таки продолжало казаться бесконечным. День реабилитации настал в первых числах июля. Все произошло

обыденно и почти незаметно. Процедуры в Центре продолжались несколько дней и закончились успешно. Сначала исчезли видения людской ауры, потом померкло слабое, но стойкое мерцание ментального эфира. Песня исчезла, но Марк больше не хотел песен, в конце концов его охватило равнодушие.

Как только ментальный тест показал норму, Беренгара выписали, одарив напоследок пособием и конфедеральным жетоном. Однажды Марк посетил Бруксов и долго звонил в пустую квартиру Авителлы, пока на шум не выбралась соседка.

Женщина спокойно роняла скользкие гладкие слова. Да, мальчика забрали реабилитаторы. Да-да, в начале лета, до того, как случилось несчастье с его сестрой. Да, и девушки больше нет. Сюда приходила полиция. Говорят, ее убили хулиганы. Что? Нет, тела не нашли, эти полицейские никогда ничего не находят.

Марк выслушал скупой рассказ до конца и в тот же день наведлся в полицию. Как ни странно, его приняли быстро и относительно вежливо. Озабоченный инспектор средних лет наспех выпросил о причинах интереса, потом устало поник мускулистыми, но уже оплывшими плечами.

– А чего вы хотите? Мы по уши в работе. Вы знаете, сколько людей пропадает каждый год? Если девушка ходит одна куда попало, это рано или поздно плохо кончается.

Марк поинтересовался ходом дела, инспектор вяло махнул рукой.

– Вообще-то это служебная информация, но такой секрет существует только для проформы. Мы отработали как положено – нашли комнату, где все, по-видимому, и приключилось. Там валялся пустой инъектор, пуговица от ее белья, остались стаканы, бутылка, нож со следами крови... Пальчики кто-то протер заранее, ментальных следов тоже почти нет – один сумбур. По слухам, эта Брукс моталась по клубам и путалась с ивейдерами. Мой совет: парень, девчонку забудь. Если ее отыщут, это будет очень неприглядная штука – совсем не то тело, которое тебя интересует.

Беренгар, больше не слушая, вышел. Через день он явился к управляющему и снял квартиру, в которой раньше жили Бруксы. Почти все статуэтки исчезли, но глиняный ангел уцелел, он целыми днями сурово смотрел на Марка в упор.

– Тебя убил псионик, Авителла. Может быть, сам Воробьиный Король. Значит, я найду его и отомщу. Прости, что я не защитил ни тебя, ни Лина.

Ангел промолчал. Пособие реабилитаторов кончилось через неделю. В списках вакансий на первом месте значился жандармский корпус, Беренгар, не задумываясь, набрал номер.

Новый рекрут оказался старательным и исполнительным парнем – им были очень довольны.

Глава 6. Воробьиный король

Четыре недели назад. Конфедерация, Порт-Калинус и другие места

– Так, значит, тебя зовут Вэл?

– Угу.

Авита прибавила шагу, рука незнакомого сенса лежала у нее на плече – плотно, но не слишком тяжело. Стоптаные сандалии шаркали по старому асфальту. В его разломах и вдоль бордюра пробивались пучки жесткой травы. В этой чахлай растительности чудом умудрились выжить городские цикады – сейчас они надсадно трещали.

К ночи стемнело и слегка похолодало, но Авита ежилась не от прохлады, а от страха. Псионик включил карманный фонарик, стены старого дома из пластикофанеры растрескались, кто-то исполосовал дверную обивку ножом. Вырезанная озорная надпись была сделана с ошибками. Вэл ковырнул замок, покосившаяся дверь легко отворилась.

– Здесь никто не живет?

– Уже год как забросили весь квартал. Когда подолгу дует с суши, а это бывает раз в сезон, сюда несет выбросы Химической Компании. В такие дни запашок стоит на любителя, но сегодня все в норме, разве что нет магнолий. Заходи, не сомневайся, в доме никого и даже есть электричество.

Авита перешагнула через замусоренный порог. Ивейдер замешкался, отыскивая выключатель. Вспыхнул бледно-зеленоватый свет, и Брукс осмотрелась. Обои местами отстали от стен. На пластиковом диване залежался слой пыли. Круглый стол в центре комнаты покоился на единственной ноге. В глубине потертого кресла валялась забытая плюшевая обезьяна.

– Мне холодно.

– Да, тут немного сыро.

Псионик открыл сломанный холодильник, вытащил из него плоскую нераспечатанную бутылку и два высоких стакана. Авита осталась стоять – ей не хотелось прикасаться ни к креслу, ни к пыльному дивану. «Разум Мировой, что мне делать? Пить точно нельзя, Цилиан предупреждал, что алкоголь ослабит блок». Вэл подошел и твердо, но не грубо взял девушку за плечи.

– Расслабься. Ты ведь хотела встретить настоящего ивейдера?

Он отвернулся, наполнил оба стакана светлой жидкостью и совсем немного отпил из своего. На запястье парня блестел наглухо запаянный металлический браслет. Авита сунула руку за ворот платья, но больше ничего не успела – Король поворачивался к ней лицом, пришлось срочно вернуть иньектор на место.

– Невежливо отворачиваться от угощения... Давай, выпей до дна.

Авита хлебнула, задержала дыхание и постаралась не встречаться взглядом с ивейдером, в его темных радужках плясали золотые точки.

– Авита... Vita – это жизнь. Вита-Авита – занятное сочетание. Ты ведь не боишься наводки? Она может быть довольно интересной.

Брукс съежилась, в горле застрял комок, она с трудом проглотила его.

– Нет.. То есть, да. Я не знаю.

Обшарпанные стены комнаты словно бы отдалились, свет мигал в ритме пульса. Накинутая поверх платья куртка мягко сползла и свалилась на пол, Авита равнодушно перешагнула через нее. Вэл одобительно кивнул:

– Не бойся, глубокие наводки нам ни к чему. Все будет почти естественно.

Он подошел вплотную, положил руки ей на плечи. Нестерпимый, панических страх охватил сестру Лина. Дом молчал, плотные жалюзи закрывали окна. Вэл что-то говорил – медленно,

вкрадчиво. Она уже не понимала слов, слова не имели смысла. Воробыный Король прижался лбом к ее лбу – Авита не могла ни отвести взгляд, ни зажмуриться; невидимая лапа, мягкая и ворсистая, медленно, с жестокой неторопливостью шарила в самых укромных уголках ее сознания.

– Нет...

Лапа внезапно исчезла. Король хмыкнул, его лицо утратило потустороннее выражение.

– Проверка окончена – ты не из Реабилитации. Не бойся, допивай свой стакан.

Он проследил, чтобы девушка осушила стакан до дна. В груди Брукс словно разожгли маленький костер, перед глазами плавали призрачные тени.

– Раз не шпионишь в пользу Реабилитации, значит, от меня тебе не нужно только одно...

Воробыный Король стянул с себя безрукавку, обнажив жесткий рельеф мускулов. Потом потянул «молнию» на боку серебристого платья Авиты, освобожденная ткань сухо прошуршала, стекая к ее ногам, жестко щелкнули под пальцами бельевые застёжки. «Он и вправду решил, что я хочу с ним трахнуться. Надо дать ему по морде, прямо сейчас».

Что-то подавляло волю – но это была не пси-наводка, а самый обычный испуг. Крошечный иньектор так и остался в брошенном на пол лифчике. Авита упала голой спиной на пыльную обивку дивана. «Этого нет, ничего этого нет – только кошмарный сон, дурацкий розыгрыш, иллюзия, которая исчезнет, как только кончится ночь».

Потолок пьяно качался. Светильник пылал, беспощадно высвечивая подробности происходящего. Авита зажмурилась, попыталась сдержать слезы, но горячие капли все равно катились по щекам, щекотали висок.

Псионик почему-то не торопился забираться на диван, кажется, он потерял к Брукс интерес. Тогда она приоткрыла глаз и запоздало поняла свою ошибку – Воробыный Король в сидел на краю софы и вертел в руках брошенную одежду.

Сердце Брукс словно вздернули на толстый, с зазубринами стальной крючок – Король методично прощупывал швы ее серебристого платья, потом взялся за белье. Авита безотчетно поискала, чем бы прикрыться – на голом пластиковом диване не оказалось даже простыни. Голая комната, голый потолок, голая, попавшаяся с поличным шпионка Реабилитации.

Псионик покрутил в руках иньектор, а затем придержал Брукс за подбородок, не позволяя ей отвернуться.

– Что здесь было приготовлено для меня? Цианид?

– Нет! Я проверяла на собаке.

– Реабилитационный антидот или снотворное?

– Точно я не знаю.

– Я не сумел «прочитать» тебя сразу – это что-то новенькое.

– Глубокий блок.

Воробыный Король не торопился. Его влажные волосы слиплись и сосульками свисали на лоб.

– Реабилитаторы промахнулись, девочка. Я сразу понял, что мне мешают неспроста. Ты лживая, холодная и пустая внутри, как бутылка, твоя искусственная патология кричит о себе. Тебя отправили на смерть, Vita.

На конце полой иглы дрожала прозрачная капля, Авита Брукс закрыла глаза, чтобы не видеть иньектора. Жало шприца чуть коснулось ее века, взъерошило левую бровь, больно цапнуло мокрую от слез щеку и остановилось, уткнувшись в шейную артерию.

– Ты предала меня и хотела убить. Меров за меру. Может, хочешь попросить пощады? – несколько высокопарно осведомился Король.

«Лучше молчать, – подумала Вита. – Если начну просить, он поунижает меня и все равно убьет, не стоит бессмысленно мучиться...»

Ивейдер отложил шприц, плотно перехватил девушку за горло и хлестко, быстро, но не очень сильно шлепнул ее по щеке.

– Готова к смерти? Ты плохо рассчитала последствия. Проституток не убивают, хватит испорченного лица.

Щелкнул складной нож – у него оказалось длинное узкое бритвенной остроты лезвие.

В этот момент самообладание изменило Авите, она умоляла и просила, цеплялась за руки Короля. Псионик больше не слушал ее, он перехватил нож поудобнее и сделал первый надрез – на лбу, у самой кромки густых светлых волос...

Когда Авита очнулась, зеленоватый плафон все так же освещал пустую комнату. Кожу немного саднило от оплеухи, но лицо уцелело, крови почти не было, лишь пара липких капель от единственного крошечного пореза растеклась по лбу.

Воробьиный Король сидел неподалеку, в кресле, он выглядел усталым, хмурым и уже успел натянуть безрукавку. Заметив, что Авита очнулась, псионик встал и подошел поближе.

– С пробуждением. Перетрусила? Кстати, я сломал твой хваленый ментальный блок. Полсотни извинений за причиненные неудобства – пришлось тебя как следует припугнуть. Страхи и обмороки хорошо помогают, это разминка перед серьезными манипуляциями с мозгом.

Брукс попыталась встать и обнаружила, что аккуратно укрыта курткой. Вэл швырнул на диван мятый ворох ее вещей.

– Одевайся. Шпионка, трусиха и глупая девчонка – все в одном лице.

Она молча проглотила оскорбление и поспешно оделась.

– Умойся, заклей царапину – вода в графине, пластырь найдешь в аптечке.

Пластырь оказался старым, зато вода – почти свежей. Брукс вытерла щеки рукавом.

– Мне сказали, что у тебя пси-коэффициент чуть ли не под сотню. Теперь можешь читать мои мысли?

– Да там и почитать почти нечего, мыслишек как у обкакавшегося котенка.

– Неправда, ты ничего не прочитал.

– Сомневаешься? Между прочим, реабилитаторы взяли тебя, сломав на брате... Как его зовут – Эрмелин?

Авита прикусила язык, сердце опять беспомощно затрепыхалось на стальном крючке. Полного имени Лина, «Эрмелин», не знал никто, его не вписали в Систему, это была их с братом тайна на двоих.

Вэл кивнул, подтверждая ее невысказанные мысли.

– Я псионик высшего класса. Это не чудо, это просто хорошая работа.

– Любишь копать в чужих мозгах?

– Люблю? Зачастую это не лучше, чем ворошить помойку.

– Почему ты меня не уколол?

В темных глазах Короля опять проступили золотые точки.

– Не рискнул, вдруг там цианид. Люблю коллекционировать забавные случаи.

– И что теперь – бить будешь?

– Сам не знаю. Вообще-то стоило бы наподдавать тебе в назидание другим. Ненавижу продажных женщин.

«Я еще не брала денег с Департамента, – с тоской подумала Брукс. – Точнее, я их брала не себе».

– Да понял я... – беззлобно и вслух отозвался Вэл. – Только не надо истерик – хорошо? Да, это так, с девяносто восьмым коэффициентом я часто читаю мысли. Пока что на время поставлю себе ментальный барьер. Можешь в одиночестве переварить приятные воспоминания.

Как только Авита натянула куртку, Вэл жестко взял ее за запястье и потащил за собой, они вместе вышли во двор. Машина с заляпанными грязью номерами ждала возле выезда на шоссе. Псионик уселся за руль.

– Займешь переднее сиденье, рядом со мною. Если нас остановит патруль, закроешь глаза и притворишься спящей. Поняла? Говорить с ними буду только я. Подлые мыслишки насчет обмана сразу отставь в сторону.

Свет фар рассекал тьму. Пыльный летний пригород остался позади, обзор сузился, сумрачная стена букового леса обступила дорогу, серая лента шоссе плавно поворачивала на северо-запад. Два или три раза шоссе перебегали мелкие зверьки. Должно быть, Вэл заранее чувствовал их приближение – он всякий раз аккуратно притормаживал еще до того, как пушистый комок успевал броситься под колеса. Брукс откинулась на высокую упругую спинку сиденья и прикрыла глаза. Разрушенный ментальный блок отзывался теперь странной быстротой в мыслях и лавиной непрошенных воспоминаний – по большей части болезненно-неприятных.

«Теперь я понимаю, реабилитаторы так боится псиоников – те могут твою душу как собственный карман. Там, в пустом доме, Король еще не дотронулся до меня, а я уже подспудно ненавидела его. Впрочем, Вэл – особенный, он видит не только мой страх, но и мысли, и поэтому опасен вдвойне. Норма-ментальные для него полулюди-полупредметы. Он забрал меня вместо игрушки, а потом сломает и выбросит как изношенный хлам».

Король наверняка читал мысли Авиты, но ничем не выдал эмоций и вид имел скупающий. Через сотню метров он насторожился. Брукс видела, как шевельнулись придорожные заросли, кусты раздвинулись, пропуская трех мужчин в форме патруля безопасности. Дорогу перегораживала лента «ежа». Псионик притормозил. Старший патрульный приложил два пальца к шлему, сквозь поспешно опущенные ресницы Брукс едва успела разглядеть его острый профиль.

– Проверка. Предъявите ваши персональные жетоны, свободные граждане.

Вэл кивнул, извлек из кармана безрукавки и протянул патрульному плоские металлические прямоугольники.

– Моя подруга спит. Я не хотел бы будить ее, сержант. Мы вместе едем в отпуск на северное побережье, вот наши документы. Надеюсь, этого достаточно? Или у вас имеется лицензия на глубокий пси-тест?

– У нас нет детектора, так что, хватит жетонов.

Авита собралась было позвать на помощь, но не сумела даже пошевелить губами. «Это легкая пси-наводка, – поняла она. – Воробыиный Король держит меня, мешая двигаться и кричать. Его личные документы – сплошная подделка».

Патрульный возился с жетонами, кажется, он не мог попасть ими в щель уника.

– У вас возникли претензии, сержант?

– Претензии? Все чисто, парень. Проезжай.

– Тогда уберите «ежа».

Человек из безопасности замешкался, наступила беспричинная пауза, Авита сквозь опущенные ресницы наблюдала за сценой, которая все более приобретала черты абсурда. Сержант вскинул излучатель, целясь в висок Короля. Младший патрульный навел оружие на саму Авиту.

– Нет!

Пси-наводка Короля исчезла мгновенно. Освобожденная от невидимых пут, Брукс упала ничком, укрываясь от луча на полу кара. На ее затылок и шею брызнул расплавленный выстрелом пластик.

– Быстро, в лес! – крикнул Вэл.

Она распахнула дверцу, выпрыгнула на полотно дороги и со всех ног пустилась бежать в чащу. Ветви хлестали по лицу, жесткая трава – по лодыжкам. Ухнула, свистнула и засто-

нала в кустах угрюмая ночная птица. Бесшумные вспышки армейских излучателей уже остались позади. Авита неслась, потеряв направление, и остановилась, лишь растратив остатки сил. Сердце молотило щенячьим хвостом, в лодыжку впилась длинная колючка.

– Эй, Вита!

Авита в ужасе затаилась, узнав голос Воробьиного Короля.

– Привет. Ты зря прячешься, это неразумно, я вижу твой ментальный след.

Вэл вынырнул из зарослей, вспыхнул луч карманного фонаря, конус света высветил ноги Брукс, поднялся до ее колен и перескочил на лицо. Псионик смахнул со лба паутину.

– Вставай, вернемся на дорогу. Не надо сидеть на сырой земле – здесь водятся мокрицы.

– А патруль?

– Считай, что патруль спекся.

Брукс передернуло.

– Почему они начали стрелять?

– Потому что наврали – в кустах был припрятан детектор. Они увидели мой девяносто восьмой коэффициент, перетрусили, что их защита не выдержит, и первыми начали бой. Правда, в тебя тоже стреляли, а это совсем против правил – норма-ментальных они обычно не трогают.

В свете фар патрульной машины темнели холмики трех тел в униформе.

– Третий сидел на детекторе... – кивнул Вэл, отвечая на невысказанные мысли Авиты. – Моя машина на ходу, и они не успели связаться с Департаментом. Уезжаем, пока эта публика не очухалась.

Псионик скатал и отшвырнул в сторону полоску «ежа».

– Так они живы?

– Живехоньки, но у меня нет времени набивать их мозги ложными воспоминаниями. Иди в машину, время не ждет.

Через полчаса буковый лес кончился, дорожный указатель возле перекрестка источал мертвенный белесый свет. Воробьиный Король, не задумываясь, повернул на запад и прибавил скорости. Небо медленно светлело. Лесистые холмы сменились предгорьями, главный хребет заметно приблизился.

– У меня закладывает уши.

– Мы у высшей точки перевала. Выходи и полюбуйся.

Вэл остановил машину.

Под теплыми утренними лучами, выступая меж пятен темной зелени, сверкали изломы гигантских, цвета слоновой кости, камней главного хребта. Причудливая игра света и тени превратила их в подобие спящего животного. Отчетливо просматривались очертания когтистых лап. Четвероногий ящер из сказок дремал, тяжелая морда совершенно зарылась в зелень, пасть, ноздри, глазницы – все это исчезло в сочной листве, но из колючих ягодных зарослей одиноко торчало настороженное каменное ухо.

– Разум Милосердный! Что это?

– Сторожевой Змей. Вообще-то просто камень, игра случая.

Место вызывало ощущение покоя...

– Поехали. Хватит стоять.

Авита вернулась в машину, приглушенно зарокотал мотор, сонный дракон остался позади.

– Здесь, за перевалом, есть частные особняки – для тех, кто не любит летнюю жару в Параду.

Машина мчалась еще с полчаса, прежде чем свернуть в сторону. За, казалось бы, непроницаемой, но на самом деле тонкой стеной листвы открылся участок обсаженной пирамидальными деревьями дороги, через сто метров он закончился возле ажурных металлических ворот.

Их орнамент выдавал штучную работу дорогого мастера. Створки медленно, повинаясь ментальному приказу Воробьиного Короля, разъехались в стороны. Машина въехала на стоянку, Авита вышла на розовую плитку площади и попыталась размять затекшие ноги.

Необычное строение полукольцом охватывало двор. Оно не просто походило на древний замок – оно и в самом деле было старинным. Идеально отесанные блоки цвета бледной терракоты плотно прилегали друг к другу, наверное, в щели не протиснулось бы и лезвие ножа. В контурах стен и миниатюрных башенок не было ничего воинственного. Замок не предназначался для осады – его возводили как дорогую игрушку.

– Нравится? – Воробьиный Король подошел незаметно, словно призрак. – Никогда не видела карманных дворцов? Тогда смотри как следует. Это майоратное владение – наследство старшего сына и все такое прочее. Когда-то наше семейство имело сотню таких уголков, но сохранился только этот. От залога и продажи его спасли только древние монархические предрассудки.

– Что ты здесь делаешь?

– Я здесь живу. Пошли.

За дверью черного дерева открылся просторный холл и дубовая лестница.

– На самом деле все это не такое уж старое – двести лет не срок.

Авита посмотрела на свои стоптанные сандалии – грязные подошвы опять оставляли на драгоценном паркете приметные следы. Вэл, однако, виду не подал. Дальнюю стену занимали картины в тяжелых золоченых рамах, Брукс подошла поближе – с потемневших холстов на нее смотрели воинственные чужие лица. Преобладал тот же, что у Воробьиного Короля, тип – прямые темно-русые волосы, резкий профиль, круглые, пожалуй, слишком близко посаженные, блестящие глаза.

– Что это за семейство?

– Герцоги Далькроз, родственники прежней королевской династии, впрочем, дальние и, в конце концов, обедневшие.

«Он назвал свое настоящее имя, – с тоской подумала Авита. – Мне точно не уйти отсюда живой. Цилиан не знал, с кем он связался. Далькроз кого хочет, того заморочит, а остальных купит. К тому же он читает все мои мысли!»

Вэл моментально ответил вслух:

– Конечно, читаю. И я не склонен поощрять коррупцию. Не отрицаю, что поступил жестковато, но ведь и ты хотела меня сдать, а это все равно, что убить. Имей в виду, глубокие ментальные блоки очень плохо снимаются. Твой мог бы остаться с тобой навсегда.

– Чего-чего?!

– Если бы тебе удалось покалечить меня этим инъектором, ты бы всю жизнь так и ходила бы с промытыми мозгами.

– Не верю.

– Верь, не верь, дело твое. Ладно... Тебе понравились портреты? Вон тот, третий справа, мой прапрадедушка Бенедикт, слыл когда-то колдуном. Скорее всего, он был мизантропом и псиоником средней руки, но старику отчаянно не повезло с датой рождения. Говорят, ради эликсира бессмертия он замучил полсотни слуг, закопал их скелеты в погреб и...

– Ну и шуточки.

– Ага. Раз ты способна отличать шутки, значит, блок снят качественно. Я, как собака, трудился всю ночь. Был бы я практикующим психиатром – прислал бы тебе счет.

Авита оценила двусмысленность королевских речей и, не выдержав, сломалась пополам, безумный смех накатила без удержу, колени задрожали, она села там, где стояла, – прямо на толстый и пушистый палевый ковер.

Вэл невозмутимо ждал, пока гостя отсмеется.

– Ладно, пошли, покажу еще кое-что. Да не на улицу, вверх по лестнице.

Второй этаж занимала каминная комната, в анфиладе просматривался обеденный зал с гнутыми стульями и длинным столом, но Вэл свернул направо и подошел к закрытой резной двери. Замок, впрочем, оказался вполне современным, хотя и механическим. Воробыиный Король снял с шеи шилообразный ключ на цепочке.

– Никакой псионики. Этот технический примитив тоже элемент этикета.

Дверь распахнулась и открыла взгляду Авиты еще один зал. Полуколонны белого камня выступали из стен. На трехступенчатом возвышении стояло простое, на вид черное, деревянное кресло.

– Это трон сюзерена. Мои предки сидели в нем, принимая своих верных вассалов. Считалось, что данные в такой обстановке обещания непременно выполняются, так что к воротам Далькрозов в ритуальные дни выстраивалась здоровенная очередь грязного и вечно недовольного мужичья. Как ты понимаешь, эти праздники устраивали очень редко – обещания так трудно выполнять!.. И сними свои ужасные сандалии – к черному креслу положено идти босиком.

– Зачем мне вообще туда идти?

– Можешь попросить у меня что-нибудь.

Голос Вэла теперь приглушенно долетал издалека, многократно отражаясь от сводов и стен. Король в одиночестве добрался до возвышения и уселся в кресло.

– Давай, иди сюда.

Брукс сбросила сандалии и боязливо, словно по раскаленным камням, сделала первый шаг. Потом быстро-быстро, стараясь не глядеть на свои босые ноги, прошла положенное расстояние и остановилась у подножия первой ступени.

– Девица Вита Брукс, лорд Далькроз слушает тебя.

«Если я сейчас попрошу отпустить меня, он отпустит, но, пожалуй, Вэл и так не собирается зарывать мой скелет в погреб. Нужно просить чего-нибудь посущественнее, пусть заплатит за мой страх, пусть покрутится, выполняя». Она задумалась, оценивая собственные желания. Отомстить реабилитаторам? Но Авите не хотелось мстить серому, вечно настороженному Цилиану. Получить хорошие деньги? Звучит заманчиво, но мелко. Разве что...

– Я хочу спасти Лина.

Воробыиный Король на возвышении нахмурился.

– То есть?

– Не прикидывайся дураком, Король, ты ведь читаешь мои мысли, правда? Я хочу, чтобы ты нашел Лина. Я хочу, чтобы мой больной брат избежал реабилитации и остался жив любой ценой. Пусть он уедет за границу или спрячется в Каленусии...

Потомок Далькрозов в задумчивости постучал ногтями по драгоценному, темному, отшлифованному руками бесчисленных благородных предков подлокотнику.

– Это все?

– Да.

– Хорошо, ты получишь желаемое, девица Брукс. Можешь благодарить в установленной форме.

Не надеявшаяся на согласие Авита ощутила, как горят ее щеки, но ответить ничего не успела. Дальняя дверь зала отворилась и пропустила седого старичка, который укоризненно покачал головой:

– Вы опять балуетесь с креслом, лорд Вэл? Никакого почтения к традициям.

– Не ворчи, Кольцер. Упадок нравов и никакой дисциплины среди слуг – ты помешал моим развлечениям.

– Не слушайте его, свободная гражданка, – заявил Кольцер, обращаясь к Авите. – Лорд Вэл будет забивать вашу голову историями, но он не вспомнит про завтрак... Мой лорд, стол на двоих накрыт и ждет в обеденном зале.

В зале Авита опустилась на стул напротив Воробьиного Короля и нехотя поковыряла кусок мяса двузубой вилкой. Вилка была тяжелой, инкрустированной, явно дорогой. Вэл ел как ни в чем не бывало, вид у него был невозмутимый, разве что слегка озорной. Авителла про себя прикинула возраст лорда Далькроза. «Да ему на самом деле всего-то около восемнадцати. Он, пожалуй, чуть помладше меня и на пару сантиметров пониже». Брукс не знала, что ей делать – смеяться до слез или злиться. Вчера вечером Король казался ей высоким, двадцатипятилетним и страшным до мучительной тоски. «Это была наводка», – сообразила раздосадованная Авита. «Все мои страхи – только ловко навязанная Вэлом фальшивая картинка. Этот мальчишка-псионик провел меня будто дурочку и запугал до полусмерти. И все-таки я надеюсь, что он настоящий Воробьиный Король. Только слово Короля может спасти Лина».

– Ты что-то сказал?

– Да. Пошли, я покажу тебе одну штуку. Это совсем близко.

Они вместе вышли в довольно запущенный парк. Клумбы здесь засохли, бурьян забил слабые стебли цветов.

– Кстати, это интересно – заглядывать в чужие мозги? – спросила Авита и заметила, что Король смутился.

– Все зависит от того, что именно ты видишь. Иногда просто неинтересно, иногда противно. И больно – тоже иногда. За себя, кстати, можешь не беспокоиться, я уже час держу ментальный барьер и не чувствую твоих мыслей.

– Это правда?

– Честное слово ивейдера.

– А это трудно – держать барьер?

– Не очень, если есть привычка.

Авита умолкла, переваривая новость. Смутное ощущение слезки и незащищенности отступило. «Только бы он говорил правду!».

Парк между тем оборвался каменистым косогором, дальше начинались настоящие горные склоны, тропинка шла по широкому каменному карнизу. Карниз кончился, кусты жесткой растительности расступились.

– Смотри.

Сразу за поворотом тропы открылся знакомый вид – высокий утес, из очень чистого камня. Пейзаж напоминал картину из кабинета Мидориана, но разрушение все же тронуло скальную породу – местами по ней змеились тонкие трещины. С вершины утеса стекал водопад, в воздухе дрожала радуга. У подножия скалы блестело мелкое, почти круглое озеро, вода широким ручьем стекала в долину, на отмели лежала лодка-плоскодонка.

– Залезай в нее, только постарайся не раскачивать, посудина неустойчива. Я сам возьму шест.

– Зачем?

– Надо аккуратно проплыть у края водопада. Постарайся не упасть. Здесь мелко, но вода быстрая и холерски холодная – как лед и даже еще хуже.

Авита вцепилась в край низкой некрашенной скамейки, Король ловко орудовал шестом. Плоскодонка пару раз сильно качнулась, потом зыбко вильнула в сторону. Шальные капли застучали по макушке Авителлы, суденышко чуть задело бортом тонкую завесу воды и оказалось по ту сторону водяной завесы. Здесь хрустел под ногами гравий. Своды терялись в темноте, в небольшой пещерке веяло холодом и водой.

– Что это?

– Вход в частный бункер моих предков. интересное. Здесь есть кое-какая техника, ей лет двадцать, но почти все работает. Энергия идет от водопада. Там, внутри, климатическая установка, так что сырость не мешает.

Далькроз притронулся к замку. Массивная дверь отошла в сторону, показался свет – яркий, искусственный.

– Энергия идет от водопада, чистая работа. Это место – бывшая любимая игрушка моего отца.

– А где теперь твой отец?

– Разбился в авиакатастрофе, когда мне было семь лет. Мама пропала без вести пять лет назад, когда восстали псионики.

– Твои родители были сенсами?

– Нет.

– Мне очень жаль, что так получилось...

– Едва ли, ты их не знала. Впрочем, попытку вежливости я оценил.

Брукс прикусила язык, Далькроз на лесть не покупался.

– Ладно, я не хотел тебя обидеть, – буркнул он. – Заходи внутрь.

Бункер оказался квадратной комнатой с невысоким потолком. Одну стену сплошь занимали стойки с оборудованием и устаревшего вида кибер. На свободном пятачке стоял простой стол из строганных досок и несколько кресел. Авита без приглашения уселась в одно из них, Далькроз сел почти напротив. Брукс, не скрываясь, рассматривала его полупрофиль – тонкий нос, близко посаженные темные глаза. Он и в самом деле был слишком юным, и все он же был Король – и то, и другое являлось самой настоящей правдой, именно это повергало Авиту в отчаяние.

«Я не верю, что он сумеет помочь Лину. Даже если Вэл собирается сдержать слово, у него не хватит сил. Но если я чудом сбегу отсюда и сдам Короля Департаменту, это ничего не изменит. Теперь я уверена, что Цилиан с самого начала врал».

Король неторопливо кивнул, и густая тень упала на его лицо.

– Да, я понимаю.

– Ты обещал не читать мои мысли.

– Я не читал, я их просто угадываю, как свои. Можно поставить ментальный барьер, но нельзя запретить самому себе думать. Что тебе говорил тот человек, из Департамента?

– Сам знаешь – он просил сделать тебе укол.

– И все?

– Все. Ты не думай, это был не яд, я проверяла на собаке. Если бы Торопыга околел, я бы никогда...

– Ладно, забудь об этом. Он просил тебя о чем-нибудь еще? Узнать у меня какие-то секреты, найти других ивейдеров.

– Нет, не просил. Я говорю правду!

– Ладно, верю... Но ты ведь могла забыть его слова?

– Нет!

– Вот это и странно. Слушай меня внимательно и попытайся найти логическую ошибку. Ты приходишь в Департамент Обзора – почему?

– Мой брат болен, больным нельзя вводить антидот, к тому же он случайно подрался в офисе с реабилитатором и...

– ...И его забрала полиция?

– Точно. Но только не сразу, Лина два дня ловили в сточных трубах под Порт-Калинусом.

– Что случилось потом?

– Со мною поговорил инспектор Цилиан. Он обещал помочь и ничего не просил взамен. Потом, уже позже, сказал, что брат задержан за связь с ивейдерами.

– Где ты общалась с инспектором?

– Два раза в парке Древесная Эстетика. Один раз в лаборатории, где мне поставили ментальный блок.

- Там были другие наблюдатели?
- В парке не было никого. В лаборатории был какой-то смешной старый псионик – лысый, сонный. Нереабилитированный.
- Ручная собака Департамента. Кстати, там, в парке, Цилиан прямо так сразу предложил тебе стать шпионкой?
- Почти сразу. Я сначала рассердилась, а потом... Потом я подумала, что у Лина нет денег на адвоката. Цилиан показался мне честным, даже каким-то равнодушным, как будто он обиделся и очень устал.
- Цилиан – манипулятор. Он не давал тебе какой-нибудь небольшой предмет – жетон, маячок?
- Нет.
- Подумай как следует, от вранья будет хуже, в основном тебе.
- Нет! Я ничего не брала у Цилиана, кроме... ну, кроме денег. Потом я их отдала, почти все, одной девушке. Не спрашивай, кому, не скажу.
- Ну и ладно, не говори – наверное, какой-нибудь доносчице – шлюшке из клуба. А теперь слушай меня внимательно. Во-первых, не сомневайся, что тебя обманули – Лин не связан с нашими ивейдерами, это ложь. Ложь номер два – ты не сумела бы ввести мне антидот. Такие уколы делают один за другим, серией, а действуют они только через несколько дней.
- Почему я никогда не слышала об этом?
- А ты часто разговаривала с реабилитированными псиониками? О подробностях «лечения» обычно не распространяются.
- Тогда зачем серые забрали Лина?
- Думаю, его забрали с одной-единственной целью – напугать тебя как следует. Эрмелину почти ничего не грозит, штраф за драку без нанесения увечий, к тому же твой брат несовершеннолетний. Сейчас он сидит в накопительном лагере и застрянет там надолго, место это невеселое, но жить можно.
- Брукс грустно опустила плечи. Колени под краем нарядного платья чуть заметно тряслись – мелкая противная нервная дрожь.
- Раз так, я вернусь домой, свяжусь с родителями и начну искать адвоката.
- Идея хорошая, но сначала ответь на вопрос – зачем тебя отправили ко мне, если не ради укола?
- Теперь даже и не знаю. Я запуталась.
- Понятно. Вот мой королевский приказ. Как только вернемся в замок, стащишь с себя все – ну ты понимаешь, белье, финтифлюшки, серьги, заколки из волос. Не оставляй ничего, возьмешь в гардеробной комнате мои запасные джинсы, футболку и переоденешься. Свои шмотки сразу отдашь Кольцеру, он сожжет.
- Ты решил, что мне незаметно всадили «жучок»?
- Скорее всего, и я бы не сомневался в этом, но...
- Что?
- По идее, маячку пора бы и сработать, но нас пока что никто не ловит. Тут кроется подвох, только я пока не знаю, какой. В любом случае, сначала отсидимся в замке, потом будем спасать твоего брата.
- А как же тогда адвокат? – жалобно спросила Брукс.
- Законный путь был бы проще и безопаснее, если бы ты не повелась на обещания Цилиана. Теперь, Вита-Авита, ты связана с нашим подпольем, то есть со мной. У Цилиана не было улик, тогда он решил создать свое дело на пустом месте, сунул тебе этот бесполезный иньектор и отправил тебя ко мне.
- Великая Пустота! Ну почему я?

– Не знаю, я Король, а не провидец. Скорее всего, какой-нибудь кибер просчитал твою и мою совместимость. Я не вру, сказал тебе все правду. Вот так.

– Получается, Цилиан совершил страшную подлость.

– Он наблюдатель, для таких псионики не люди, а норма-ментальные доверчивые дураки – люди только наполовину.

– Я напишу правду в Сенат.

– Если доживешь.

Авителла скорчилась на стуле, обхватила озябшие плечи холодными ладонями, зубы мелко, неудержимо застучали – пришлось крепко прикусить губу. Король молчал, отвернувшись. Лет на вид ему было, хоть убей, меньше, чем Авителле. Брукс ткнула подбородком в сторону старого кибера.

– А это что?

– Мой вход в Систему. Хочешь посмотреть?

– Тыходишь туда нелегально?

– С чего ты взяла, что нелегально? Все обстоит замечательно, в Системе я числюсь норма-ментальным от рождения. Это проделать трудно, но не очень, нужно только правильно обойти защиту.

– Врешь! Тебе никогда не сломать информационную защиту Пирамиды.

– Я не ломал ее сам, мне помогли.

– Кто?

– Один друг с другой стороны. Я называю его Цертус¹.

Далькроз повозился возле развалюхи-кибера, и тот подал признаки жизни.

– Как ты это делаешь?

– Через парадуанский университетский центр по Системе выхожу на столицу. Цертус держит для меня подставной адрес, который все время меняется. В техническом колледже свободные публичные кибер-залы, там толчется тьма-тьмушая народу, никто не знает, что меня на самом деле нет в городе. От Параду на Порт-Калинус идет канал связи с Пирамидой – по тем паролям, которые мне дает наш Цертус. Они тоже непостоянны, но это мелочи, я всегда в курсе дела.

– Я плохо тебя поняла.

– Неважно.

– Кто он, этот твой приятель?

– Тебе знать необязательно.

– А вдруг он тебя выдаст?...

Вэл чуть насмешливо прищурился.

– После того, как тысячи наших получили поддельные жетоны? Фальшивый друг никогда не станет так рисовать – это отставка, крах карьеры, трибунал. Цертус – самый настоящий друг. Я вас познакомлю. Надень еще один обруч ментального ввода – так будет интереснее.

Авителла откинула на затылок косу и плотно натянула обруч. Картинка на мониторе исчезла и сменилась удивительной красоты изображением. «Старый монитор тут ни при чем. Я сейчас сижу с закрытыми глазами, этот Цертус передал пси-наводку через Систему».

Брукс осмотрелась. Плоские камни, нагроможденные друг на друга, образовывали грубое подобие скамьи. В двух шагах слева зияла настоящая пропасть, на дне которой находилось крошево руин и статуй, остовы портиков и рухнувшие храмы. Развалины успел оплести дикий виноград. Наискось, тонким полупрозрачным слоем напользали, норовя прикрыть картину, перистые облачка.

– Привет!

¹ Certus – верный (лат.)

Авителла обернулась. Цертус сидел на скамье – тонкое, бледное существо с громадными кошачьими глазами. Руки, ноги и голова до темени, впрочем, оставались человеческими, зато на макушке торчали нежные остроконечные ушки, тело прикрывала серебристая туника.

– Забавная у тебя внешность, дружок.

Существо деликатно улыбнулось бледными губами.

– Иллюзия, как и все прочее в виртуальности. Я не ставлю вас в неловкое положение, моя дорогая Брукс, – вам ни к чему видеть мое лицо.

– Да. Зачем вы помогаете псионикам?

– Из чувства справедливости. Вас устраивает такой ответ?

– Как вам это удастся?

– Я конфедеральный чиновник высокого ранга, этим все сказано. Очень высокого – вам это трудно представить.

– Тогда почему не отмените реабилитацию, хотя бы для таких, как мой брат?

Существо прижало остроконечные уши – кот, который гуляет сам по себе. Холодный огонек стыл в радужках миндалевидных глаз. Вертикальный бездонный зрачок упруго пульсировал.

– Я не могу ответить на ваш вопрос – пока не могу. Поверьте, Брукс, такое серьезное вмешательство превышает даже мои возможности. Не сердитесь – всему свое время...

Изображение исчезло так же быстро, как появилось. Авителла стащила обруч с растрепавшихся висков и пригладила волосы рукой – зеркала в бункере не оказалось. Король сидел на стуле в небрежной скупающей позе – его величество даже незаметно зевнул. В посадке его головы и аристократическом лице присутствовало нечто такое, для чего у работницы Электротехнической Компании не было подходящего определения. Лучше всего подходило слово «порода».

– Ну как, было интересно? – спросил Далькроз. – Цертус шутник, но человек надежный. Пошли, нам пора возвращаться домой, Кольцер ждет, он приготовил тебе комнату.

Они выбрались наружу тем же путем. Гремел водопад, в чистом воздухе играла невесомая радуга, лодку Вэл вытащил на берег, шест припрятал среди камней. Путь по скалистому карнизу не занял много времени, в парке уже сгущались вечерние тени, небо заметно потемнело. Беспокойство Брукс отступило, цепкая тревога нехотя позволила отложить себя на потом.

Интерлюдия. Удел Короля *Конфедерация, имение Далькрозов*

– Значит, ты узнал, где они держат моего брата?

Стоял пасмурный день, накрапывал дождь, Авителла, поджав ноги, обтянутые подаренными ей джинсами лорда Вэла, устроилась в углу дивана, сам Король занял кресло у стола и сосредоточенно возился с маленьким самоходным кибером на ножках – старая машинка, похоже, испортилась.

– Цертус показал место, я сразу отметил эту точку на карте. Это Центральная Клиника, в общем, ничего особенного, просто большая многоэтажная полуавтоматическая больница. Плохо только, что нас там, кажется, ждут.

– Не поняла

– Они знают, что упустили тебя. Теперь по всем правилам должен последовать ответный ход.

– Может быть, Цилиан подумал, что ивейдеры меня убили. Если так, то он и думать забыл про Лина.

Вэл ответил не сразу, он задумчиво смотрел на аккуратно разложенные по шлифованной столешнице внутренности кибера.

– Кое-что я сделал сразу же – оставил в том доме, в Порт-Калинусе, твою пуговицу, иньектор, еще кое-какую мелочь, если нам повезет, это сойдет за картину кошмарного убийства. Только плохо верится, что наблюдателей легко обмануть. Такие, как твой Цилиан, бывают разными, злые и не очень, старательные и формалисты, некоторые даже честные в своем роде, а общее у них одно – дураков в Департаменте не держат.

Упоминание о Тэне Цилиане Авите не понравилось.

– Он не мой, он свой собственный. И вообще – я не хочу больше обсуждать Цилиана. Расскажи лучше, как ты пролез в парадуанский колледж?

– Прошел по системе дистанционного обучения. Я там не появляюсь, только ответы на тесты. Пока все в порядке, никто меня не подозревает, потому что так делают многие, и непсионики тоже.

– Значит, почти не выходишь из этого дома?

– По вечерам гоняю машину в Порт-Калинус – иногда «воробьям» надо встречаться лицом к лицу. Кстати, Система и уникамы очень ненадежны, потому что их...

– Что их?

– «Слушают». Только проверяют не на смысл болтовни, а на ментальные ритмы, характерные для псиоников. Цертус прикрывает меня и еще нескольких сенсов, он вносит куда надо помехи, но при этом смертельно рискует, мы не должны нагнать, требуя защиты для всех.

– Он все-таки очень крут, этот твой дружок.

– Он очень хороший человек. Смотри...

Король вытянул вперед запястье в запаянном браслете. Авителла присмотрелась повнимательнее – браслет оказался не запаянным, а только плотно застегнутым, так, что не видно замка.

– Это подарок Цертуса, генератор-глушилка, – сказал Далькроз, – Такое устройство может прикрыть от слежки Департамента.

– А я думала, по заказу не сделаться нулевиком.

– Нулевиком не станешь. Настоящий нулевик, человек без внешних проявлений пси, вообще не виден наблюдению, и наводкой его не проймешь, а тот, кто носит подобный браслет, просто выводит из строя датчики. Никто ведь не знает, отчего сгорели «жучки».

– Вот по сгоревшим «жучкам» тебя и поймают.

– Не сумеют. Радиус действия слишком большой. Браслет включается, если его надеть на руку, и выключается, если снимешь. Датчики я хорошо чувствую – они, как занозы в коже, а вот они меня ловят не всегда.

– И много у тебя таких браслетов?

– Только один.

– А как выглядит Цертус?

– Не знаю.

– Ну, ты врешь! Если вы не виделись, как ты получил от него эту штучку?

– Все было очень просто, она пришла по почте. Отправителем значился какой-то ювелирный магазин, в нем и понятия обо мне не имеют.

– Он очень хитрый, этот твой Цертус.

– Умный.

– Все это здорово, так можно жить какое-то время, если у тебя есть влиятельные друзья и деньги. А что будет потом?

– Потом все переменится. Вэнс, который финансирует программу вмешательства в мозги, рано или поздно уйдет в отставку. Мы окажем давление на Сенат...

Брукс искоса посмотрела на чеканный профиль Короля и покачала головой:

– Я, конечно, колледжей не кончала, только ты сам-то в такое веришь?

– Верю. Почему бы нет?

– Потому что ивейдеры все время прячутся. Люди вас боятся и ненавидят.

– С предрассудками можно бороться. Мы скажем всем гражданам правду. Они поймут, что можно жить по-другому. Когда-нибудь псионики и норма-ментальные сумеют договориться...

Авителла слушала Вэла, смотрела в королевские глаза, и ее сомнения превращались в глухое недоверие. Прагматичная Брукс очень редко слышала слово «идеализм» и, столкнувшись лицом к лицу с героическим идеализмом Воробьиного Короля, слегка пасовала перед непонятным.

– Знаешь, не очень-то взрослые боссы любят слушать про всякое такое, – сказала она. – Особенно от драчливых парней, у которых поддельные жетоны.

– Если становишься Королем ивейдеров, не стоит искать легких путей.

– А много вас? Где живут остальные?

Лицо Короля сразу приняло замкнутое выражение и вроде бы даже потемнело – как будто погас светильник или кто-то очень осторожный прикрыл неподалеку дверь.

– А это уже опасно и совсем лишнее.

– Хорошо, я больше и не спрошу. Только...

– Что?

– Ты парень из хорошей семьи, умный и очень смелый. Мог бы пройти эту сучью реабилитацию и стать когда-нибудь начальником в Калинус-Холле. Тогда тебя бы точно послушали, говори им правду, сколько захочешь.

Ожесточение на короткий миг коснулось семнадцатилетнего Короля – его профиль отвердел, глаза совсем потемнели, и в тот же момент безнадежная печаль и страх предчувствия опутали разум Авиты.

Король между тем продолжал:

– Ты же знаешь – мы псионики. Тебе нравится Сторожевой Змей – та скала, которую я показал на перевале?

– Очень. Я никогда ее не забуду.

– Чтобы видеть Змея, нужно хорошее зрение и воображение. Ты бы согласилась стать слепой? Тебе хочется потерять слух? Отрубить себе руку или ногу?

Упрямая ярость появилась во взгляде Короля, Авителла отодвинулась, прижавшись спиной к мягким подушкам дивана.

– Так вот, – продолжал Далькроз, – реабилитация – это очень больно для того, кто хоть раз до конца понял дар псионика. Никто не может лишиться дара, не сломавшись, а для меня так и вовсе лучше смерть.

Авита упрямо отвернулась и посмотрела в окно – там сплошной стеной шел летний дождь.

– То, что ты видишь и можешь как псионик, красиво?

– Да, это очень здорово.

Брукс вспомнила пыльную комнату в пригороде Порт-Калинуса, стук собственных сандалий по старому тротуару, ночную дорогу на север, темные холмики на асфальте – обморочных патрульных, но эти воспоминания никогда не казались ей красивыми, и Король понял ее без слов.

– Бывают неизбежные потери, но есть и совсем другое. Радость. Понимание без слов. Свобода.

– Ну точно, мне этого не понять. Рожденный для Электротехнической Компании летать не может.

И тогда промолчал и отвернулся Король.

Часть вторая. Хроника вмешательства

Глава 7. Король рискует

7010 год, лето, Центральная Клиника Порт-Калинуса

Утро в Центральной Конфедеральной Клинике начиналось с обычной рутины – ровную как стол площадку перед широким крыльцом вымыли пенистым раствором, вода бурно стекала в решетчатые люки, оставляя после себя только чистоту. Глянцевитые санитарные машины замерли у входа.

Сестра Мэй прошла сквозь пси-турникет для персонала, на минуту задержалась в дамской комнате, потом в чистейшем отсеке переоделась в униформу и поправила крахмальную шапочку на гладкой прическе.

В самом конце коридора маячила фигура охранника – парень принял ту слегка расслабленную позу, которая позволяет долго выдерживать ожидание. Поверх серой форменной рубашки страж кое-как натянул незастегнутый белый халатик медика, казавшийся нелепым на плотной фигуре.

– Сестра!

Мэй приветливо обернулась к парню. Рядом с его крепкой ладонью бойца лежал шлем пси-защиты – по-видимому, охранник только что снял его, чтобы получше расслышать ответ.

– Я могу быть вам полезна?

– У вас не найдется халата побольше?

Мэй неожиданно для себя смутилась, гладкий лоб нежно порозовел.

– Простите, нет. Есть большие бирюзовые халаты, но они положены только врачам полного статуса, а белые, для младшего персонала, остались только женских размеров. Извините мою невежливость, свободный гражданин.

– Ладно! – охранник добродушно фыркнул. – Я не обиделся, девушка. Просто ваша униформа стесняет мои движения, я ее сниму, и дело с концом.

Он стащил с широких плеч белую тряпку и, скомкав, метнул ее прямо в медицинскую тележку.

– Вот так-то лучше. Кстати, акустика моего шлема только что сгорела. Не слышно ни черта, пришлите электрика с запчастями.

– Конечно, я распоряжусь. Может быть, выпьете кофе?

– Жаль, запрещено инструкцией. Лучше откройте дверь в палату сенса, ее нужно проверять каждый час.

– Простите, офицер, она и так открыта.

– Да ну! Попробуйте сами.

Мэй подергала дверную ручку – замок, который обязан был реагировать на ментальность охранников и самой сестры, не поддавался. Пришлось отцепить от пояса механический ключ – дверь отъехала в сторону, открывая стерильно-белую внутренность бокса.

На высокой кровати вытянулся опутанный трубками и проводами белый холмик. Холмик не шевелился, лицо пациента скрывал колпак аппарата.

– Он жив? – с деловито поинтересовался охранник.

– Да, офицер. Видите вон тот экран? Индикатор показывает сон. Кроме того, если бы пациент умирает, включается система экстренного вызова.

– Сегодня все работает как-то ненадежно.

– Да, пожалуй. Я читала, что такое бывает, когда возрастает активность Солнца.

Мэй вышла из палаты, заперла дверь ключом, кивнула наблюдателю и покатила тележку дальше, делая вид, что измятый халат, заброшенный поверх коробок с лекарствами, это не так уж ненормально. Охранник ей решительно разонравился. За поворотом коридора из белой стены выступало жерло утилизатора. Мэй двумя пальчиками презрительно подняла испорченный чужим прикосновением халат и кулачком забила его в жерло автомата. Утроба утилизатора не среагировала, как обычно, на ментальный приказ – попытка переварить халат оказалась вялой и тут же прекратилась. Мэй несколько секунд с досадой смотрела на тусклый индикатор пси-активации: «И в самом деле, машины сегодня точно взбесились».

Она отцепила от пояса уником и поняла, что связи нет. Мимо, игнорируя ментальный приказ, прошмыгнул маленький кибер.

– Ну, так дело не пойдет!

Раздраженная Мэй оставила тележку и быстро-быстро, словно большая белая мышь, двинулась обратно.

Плотный охранник со сломанным шлемом все еще угрюмо ждал возле палаты псионика.

– Вы скоро приведете электрика?

Мэй сухо кивнула и, не задерживаясь, зашпeshила мимо, к лифту – двумя этажами ниже находился отсек технической службы. «Надо что-то делать. Если на первом этаже вышел из строя пси-турникет, к нам могут зайти всякие грязные бродяги».

Мэй еще не успела дойти до подъемника, как за ее спиной грянули выстрелы.

– Помогите!

Женщина завопила и от испуга ничком рухнула на пол. Стреляли за поворотом коридора, как раз неподалеку от утилизатора. Охранник бросил бесполезный шлем и уже занялся решением проблемы – в его руке непонятно как оказался ствол, а потом сам наблюдатель куда-то исчез, словно растаявший мираж.

«Должно быть, пошел отстреливаться», – подумала Мэй.

Стреляли теперь чуть подальше, зато чаще и страшнее. Совсем рядом с лежащей женщиной раздались негромкие шаги. Она приоткрыла крепко зажмуренные глаза и увидела чьи-то ноги в дорожных кроссовках.

– Вам помочь, мэм? – очень вежливо поинтересовался незнакомый голос.

Сестра подняла голову и увидела, что голос принадлежал безобидного вида парню лет семнадцати. На его запястье болтался слишком широкий браслет без видимой застежки.

– Не беспокойтесь, опасности нет, – заверил он. – Вы случайно споткнулись и я вам помог. А теперь и мне нужна ваша помощь.

Сестра в душе согласилась, неловко встала, ухватившись за доброжелательно протянутую ладонь незнакомца. Стрельба тем временем вроде бы и не утихала, но как-то отошла на второй план. Мэй попыталась вспомнить, что она обязана строго сказать постороннему, но мысли толком не складывались. Коридор, хрустальной чистоты окна, ряды дверей – все это оставалось ясным и обыденным, и только лицо гостя словно бы прикрывала дымка. Мэй поморгала – дымка на миг исчезла и тут же снова нахально напозла.

– Мне нужно войти вон в ту комнату, – проговорил незнакомец.

Медсестра ошарашено молчала.

– У вас есть ключ, он вам не нужен и мешает – отдайте его мне, – мягко добавил чужак, и она охотно подчинилась.

Отпертая дверь палаты опять отъехала в сторону, и пришелец проник в запретное пространство. Он склонился над кроватью больного, бережно попытался освободить от аппаратуры его лицо.

Мэй открыла рот, чтобы позвать на помощь, но язык не послушался, попыталась поднять руку, но конечность предательски онемела. Незнакомец всю хозяйничал в палате.

– Разум и Звезды! Это не Лин!..

Что-то пошло неправильно, парень потерял интерес к пациенту, нервно обернулся, путы пси-наводки в этот момент ослабели, обманчивая дымка исчезла, и Мэй сумела хорошо рассмотреть незнакомца – темно-русые волосы, черные, близко посаженные глаза, капли пота на висках. «Псионик». Осознав, кто ее противник, безоружная женщина отскочила к стене и задела прозрачный шкафчик. Упала и с громким хлопком разбилась большая колба, куски битого стекла чиркнули по ногам.

– На помощь!

Не зная, куда бежать, Мэй остановилась и неловко закрыла собою проход. Эхо выстрелов в коридоре уже приутихло, поэтому звонкий женский крик широко разносился по всему пространству этажа. Где-то вдалеке суматошно грохотали шаги больничной охраны. Охранник с пистолетом, однако, пока не возвращался. Русоволосый промедлил совсем немного и, оттолкнув сестру в сторону, бросился в коридор. Малиновый от ярости охранник Департамента появился через полминуты в каком-то странном, не вполне подходящем к драматизму момента настроении.

– Сволочи! Я вам покажу, как делать из меня дурака!

Мэй взвизгнула – «серый» навскидку выстрелил по беглецу.

– Ой! Не надо! У него нет оружия.

– Как же! Он сам – ходячее оружие.

Беглец, вильнул в сторону и с размаху влетел в распахнутый лифт. Когда лифт закрылся и медленно поплыл вниз, страж Департамента опустил бесполезный пистолет и отправила вдогонку сбежавшему врагу залп изысканной брани.

– Надо его догнать – это нелегальный псионик.

Сестра ухватила наблюдателя за рукав:

– Умоляю вас, не уходите! Что мы будем делать без вас, если придут другие террористы?

– Какие еще другие террористы?! – наблюдатель заметно разъярился. – Простите, мэм, мою брань, но я не святой, а тут и праведник взбесится. Всю эту пальбу изображал кибер, маленькая мобильная гнида с хорошей акустикой. Всему причиной тот парень, которому вы, простите, по дурости позволили убежать. Ничего, его еще встретит резервная группа на выходе.

– Как он прошел через пси-турникет?

– Вы еще спрашиваете? Турникет накрылся. Парень принес с собой какое-то устройство, из тех, что портят сенс-автоматику.

– Зачем все это?

– Он приходил за мальчиком в палате.

– В палате мне показалось, будто он пробормотал что-то странное, вроде бы «это не Лин». Наблюдатель хмыкнул, выразительно потрогал собственный висок и ничего не ответил.

* * *

Вэл с размаху влетел в кабину, выстрелы и бессильная брань наблюдателя пришлись в пустоту. Через пару секунд лифт притормозил и очень некстати отворил дверь на вызов с другого этажа. Дверь отворилась. Толстяк в бледно-зеленом халате посетителя уронил какой-то пакет. Угрюмый медбрат замер рядом, стиснул увесистые кулачищи.

Король придавил кнопку отмены, заодно метнул в медика легкую наводку утешения, тот успел-таки выразить интуитивную неприязнь:

– Вот, сукин сын!

– Хулиган, – подобострастно добавил толстяк.

Вэл в отъехавшем лифте провел ладонью по мокрому лицу. Лоб и левый висок щедро пятнали свежие ядовито-изумрудные потеки – липкие брызги медикамента из разбитой колбы.

Далькроз вытащил из кармана платок и, как мог, попытался стереть пятна. «Я не должен выделяться среди других. Я такой же смирный и хороший, как все остальные. Я не виновен ни в чем. Даже если мой пси-коэффициент сам вопит о себе». Лифт ткнулся и встал. «Приехали».

Король заставил себя неторопливо выйти в холл, окунуться в суету и неразбериху паники. Небольшая толпа – двадцать-тридцать перепуганных посетителей безуспешно напирала на команду Департамента Обзора. Наблюдатели наскоро перегородили выход.

– Выпустите нас! В здании заложен дезинтегратор! – протяжно вопил кто-то, уже перешагнув грань истерики.

– Спокойно, граждане, опасности нет...

Пунцовый от злости офицер Департамента попытался одернуть крикуна, но тот не унимался:

– Сейчас все растает и поплывет!

– Назад, придурок!

– Что вы сказали?!

– Я сказал – соблюдайте спокойствие, свободные граждане.

– Господа, он меня оскорбляет!

Офицер наблюдения отвернулся, изо всех сил стараясь сдержать бешенство.

– Успокойтесь, – в который раз повторил он. – Опасности нет, это только пси-проверка.

Долинчек, давайте сюда детектор.

– Детектор барахлит, инспектор.

– Ничего страшного, говори результаты наугад, мы пока просто потянем время. Всех мужчин, кому на вид от пятнадцати до тридцати – в фургон. Заберем на углубленную проверку, не сомневайтесь, ивейдер среди них.

– А как мы объясним людям причины задержания?

– Потом извинимся, а сейчас скажем, что все они мутанты-псионики.

– Врете, коррупционеры, я не псионик! – немедленно завопил знакомый уже скандалист.

– Этого голосистого психа возьмите-ка первым.

– Староват для ивейдера, на вид все сорок, а то и под пятьдесят.

– Неважно. Одна ночь в камере дураку не повредит.

Крикуна бойко скрутили и под руки поволокли на улицу, несчастный обиженно затрепыхался в усовершенствованных наручниках.

Вэл пронаблюдал, как за арестантом захлопнулись прозрачные двери холла. Испорченный браслетом Цертуса пси-турникет мертво молчал. Оробевшие люди покорно выстроились в очередь. Младший офицер уже держал детектор наготове. «Норма-ментальных надувают, – подумал Далькроз. – Департаменту нужен только я, но инспектор не знает меня в лицо. Пси-шлемы испорчены у всего отряда, наблюдатели смертельно боятся и все-таки не ушли. Жаль, конечно, но в Департамент не берут трусов».

Король встал в очередь и попытался придать лицу отрешенное выражение. «Разум! Помоги мне ради Виты». Долинчек небрежно приложил детектор к вискам испорченный индикатор и, мельком оценив возраст Далькроза, небрежно бросил:

– В машину.

Двое конвоиров немедленно пристроились к Вэлу по бокам. И он вышел в густую жару, под купол прокаленного неба, на плоскую, чисто вымытую площадку перед госпиталем. Среди длинных санитарных машин замер хищный силуэт тюремного фургона.

«Я должен сделать это еще раз, – подумал Далькроз. – Норма-ментальным будет очень плохо, и сначала, и потом, и все-таки я сделаю это еще раз. Сделаю ради Виты».

Он одновременно ударил по разуму обоих конвоиров – наотмашь, как придется, не щадя ни себя, ни их. Тот, что шел слева, сразу же мятым кулем осел на асфальт. Второй продержался лишние полсекунды – только потому, что в момент удара не прикасался к Далькрозу. Обора-

чиваться Вэл не стал – он уже бежал, словно преодолевая упругое сопротивление горячего ветра – дальше, мимо арки ворот, мимо крошечного ухоженного сквера, туда, где в машине осталась Авителла.

Король открыл дверцу и упал на сиденье.

– Сорвалось? – только и спросила его Брукс. Губы ее побелели, нежный золотистый оттенок сполз с лица.

– Лина там нет, в палате был другой человек.

– Откуда ты знаешь?! Ты никогда не видел моего брата!

– Это не имеет значения. В палате лежал маленький мальчик. Мальчик пяти лет. Он не мог быть твоим братом, пойми.

Кар летел прочь, пронзая полуденный зной.

– Где Лин?!

– Не знаю.

– Ты мне обещал! – голос Виты задрожал. – Ну почему так получилось?! Ты нарушил королевское слово сюзерена.

– Кто-то дал мне неправильную информацию.

– Нас предал этот твой урод, этот котяра! У хорошего человека не бывает такого имиджа!

– Нет.

– Ты до сих пор ему веришь?

– Да. Или нет. Я запутался. Цертуса могли обмануть. Ты мне тоже не поверишь, Вита, но это первый сомнительный случай, раньше он делом доказывал свою честность. Я не могу за один час отказать в доверии человеку, который много раз спасал меня от реабилитации.

– Ты снова сунешься к нему?

– Нет. Теперь – нет, никогда. Неважно, кто нас предал, но больше никакого лишнего риска.

Вэл боролся с отчаянной головной болью – сказывались последствия пси-наводки. Ментальный барьер рухнул сам собой, незаметно, и Король теперь ясно видел мысли и чувства Авиты. Страх, готовый парализовать волю, противостоящая ему ярость, отчаяние, обрывки робкой надежды, истаявшее доверие, ненависть и сильнее всего этого – яркое, безысходное горе.

– Возьми мой браслет, Вита, считай, это королевский подарок на память. Сейчас Департамент встал на дыбы, они будут искать меня повсюду и... будут искать тебя, чтобы потом найти меня. Нам нужно разъехаться.

– А как узнают, что ты – это ты?

– Меня видела куча народу, это раз. У меня не было времени всаживать им ложные воспоминания – это два. В палате остались мои отпечатки – это три. Если понадобится, твой Цилиан приведет своего прирученного сенса, профессора Калберга, и вместе они размотают мой ментальный след. К тому же узнают номер кара, на котором мы удрали.

– Я замазала номер жвачкой и пылью.

– Ты все сделала правильно, но я-то провалился. Машина засвечена, поэтому оставлю ее себе – попробую пробиться в Арбел. Если наблюдатели тебя найдут – не стесняйся, вали все на меня, скажи, что я тебя принудил. И еще – на вот, возьми деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.